

Керстин Гир

ЗИЛЬБЕР

Третий Дневник Сновидений

За гранью реальности

РОБИНС

Зильбер

Керстин Гир

**Зильбер. Третий
дневник свидений**

«Робинс»

2015

УДК 821.113-34-93
ББК 84(4 Гем)

Гир К.

Зильбер. Третий дневник сновидений / К. Гир — «Робинс»,
2015 — (Зильбер)

ISBN 978-5-4366-0395-7

Шокирующие новости в нашем сонном царстве! Артур оказался вовсе не пай-мальчиком. Он сумел превратить сновидения в самое настоящее оружие. Как его остановить? Именно этим вопросом теперь задаётся Лив и её заклятые друзья. Отношения Генри и Лив переживают непростые времена: как научиться доверять друг другу, когда всё вокруг так запутанно? В семье Спенсер-Зильбер также не всё гладко: мама Лив и отец Грейсона решили пожениться, но небезызвестная злая бабушка Рыся имеет свои планы на брак сына. Искромётный юмор, дружба, загадочные сны, любовный треугольник и шокирующие разоблачения. Да, да, да! Мы НАКОНЕЦ узнаем, кто скрывается под маской Леди Тайны! Третий дневник сновидений раскроет все секреты!

УДК 821.113-34-93

ББК 84(4 Гем)

ISBN 978-5-4366-0395-7

© Гир К., 2015
© Робинс, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвёртая	29
Глава пятая	38
Глава шестая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Керстин Гир
Зильбер
Третий дневник сновидений

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

Перевод с немецкого Марка Харитонова

Original published as: Silber. Das dritte Buch der Träume»

© S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main 2015

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, 2016

* * *

*Всем мечтателям
и мечтательницам
там, где они сейчас*

*Всё, что нам приснилось
или снится сейчас,
увидено не во сне.*

Эдгар Аллан По

Пролог

– Поговорим о вашем демоне. Слышали ли вы его голос на этой неделе? – Он откинулся в кресле назад, сложив на животе руки, смотрел на неё выжидательно.

Она ответила ему взглядом чудесных бирюзовых глаз, которые сразу его так очаровали. Как, впрочем, всё в ней.

У него, что говорить, за всё время практики ещё не было таких очаровательных пациентов, как эта Анабель Скотт. И ведь как давно он занимался её лечением, но, признаться, так до сих пор и не разгадал причину ее болезни. Каждый раз ей удавалось каждый раз поразить его заново – это ему было неприятно. Его опять и опять раздражало чувство, что она как бы демонстрирует своё превосходство над ним, специалистом с докторской степенью, хотя ей всего-навсего восемнадцать лет и она очень больна.

Но сегодня всё было в порядке. Сегодня он мог всё контролировать.

– Это не мой демон, – ответила она, опустив взгляд. Ресницы у неё были такие длинные, что на щёки от них падала тень. – Нет, я ничего не слышала. И ничего не чувствовала.

– Но ведь тогда это значило бы, что вы... Сколько же времени? Дайте мне быстро прикинуть... Шестнадцать недель не слышали, не видели и не чувствовали демона, не так ли? – Он постарался, чтобы вопрос звучал как бы свысока, ему хотелось её провоцировать.

– Да, – ответила она кротко, и это ему понравилось.

Он позволил себе даже слегка улыбнуться.

– Почему же вы решили, что ваши галлюцинации исчезли?

– Может быть... – Она прикусила нижнюю губу.

– Что? Говорите громче.

Она вздохнула и убрала со лба золотистую блестящую прядь.

– Может быть, дело в таблетках.

– Это мы знаем. – Он наклонился вперёд, делая для памяти заметки: *аК, дс, В, хр, фберк* – произвольные буквенные сокращения, которые только что для себя придумал.

Он ведь знал, что она их могла прочесть поверх его головы и сейчас спрашивает себя: что это, чёрт побери, может значить? Не без труда ему удалось сдержать торжествующий смех. Да что говорить, она пробудила в нём садистские наклонности и он уже давно вёл себя не как профессионал. Но ему было всё равно. Анабель не обычная пациентка, и ему важно, чтобы она признала его превосходство. Он, в конце концов, доктор Отто Андерсон и когда-нибудь мог бы стать главным психиатром клиники. Дело, которому он посвятил бы остаток своей жизни.

– Таблетки не годятся при лечении полиморфной психотической шизофрении, как у вас, – продолжал он, откинувшись вновь и злорадно наблюдая за выражением её лица. – Впрочем, терапевтическим способом мы многого добились. Мы вскрыли вашу детскую травму и разобрались в причинах ваших болезненных воспоминаний.

Тут он изрядно преувеличивал. От отца девушки он знал, что первые три года жизни она провела в сомнительной секте, где практиковались ритуалы чёрной магии, но сама Анабель ничего об этом не помнила. Даже попытка проникнуть в её память с помощью гипноза – метода, который он непозволительно применял, – не дала результата. На самом деле он был так же далёк от понимания, как и в начале лечения. Он даже не был уверен, действительно ли причины психотических нарушений у Анабель надо искать в детстве, он вообще ни в чём, что связано с ней, не был уверен. Не важно – главное, чтобы она видела в нём опытного врача, который умел проникнуть в её внутренний мир и которого ей надо благодарить за всё, чего удалось добиться.

– Вы должны наконец признать, что ваш демон существует лишь в вашем воображении.

– Ну и не называйте его так больше. – Она отодвинула стул и поднялась.

– Анабель! – строго сказал он. – Всё ведь шло так хорошо. Наш сеанс ещё не закончен.

– Нет, всё, всё, докторишка. Уже звонит мой будильник. У меня назначена встреча с консультантшей, я не хотела бы проспять. Вы можете смеяться, но я собираюсь изучать медицину и когда-нибудь займусь судебной психиатрией.

– Не городите чушь, Анабель!

У него было странное чувство: что-то не получалось. С ней. С ним. С этим помещением. И почему вдруг возник аромат ландышевых духов её матери? Он нервно взял перо. Консультантша – что за вздор? Они находились в закрытом отделении клиники, без его разрешения Анабель никуда отсюда не могла выйти, даже в парк.

– Немедленно сядьте! Вы знаете правила. Закончить сеанс могу только я.

Анабель сочувственно усмехнулась:

– Бедненький! Как будто вы ещё не знаете, что ваши правила имеют силу только для ваших – как вы это называете? – бредовых воспоминаний, ни для кого больше!

У него было чувство, что стало нечем дышать. Какая-то мысль, какое-то воспоминание засели глубоко в нём, какое-то знание, которое надо было проявить. Ибо это было для него важно. Жизненно важно. Но он просто не знал, как это сделать.

– Только не смотрите так перепуганно. – Анабель уже стояла у дверей и тихо смеялась. – Мне, в самом деле, надо уйти, но на следующей неделе я непременно вас опять навещу. Обещаю. А пока посмотрите какой-нибудь приятный сон. – И, не дав ему ничего ответить, захлопнула за собой дверь.

Он слышал звук её шагов на лестнице. Эта бестия знала, что он просто не может за ней побежать. И показывала всем, что он не держит под контролем своих пациентов. Но это последний раз, когда ей удалось его провести. Больше она не завершит сеанс против его воли. В следующий раз он возьмёт себе в помощь кого-нибудь из персонала, пусть даже придётся её связать. Он ещё не использовал всех возможностей.

Он закрыл историю болезни Анабель и вернул её в ящик стола, а в воздухе всё ещё держался аромат ландышевых духов её матери. И на миг ему почудилось, что он слышит, как её плачущий голос произносит его имя.

А потом они обе исчезли. Осталось то же, что всегда.

Глава первая

На десерт был пудинг из тапиоки¹, но аппетит удалось испортить и без него. Для этого оказалось достаточно истории с Расмусом.

– Почему ты не ешь, Лив? – Грейсон показывал на мой пудинг: блёклый и стекловидный, он колыхался на моей тарелке.

Свою собственную порцию бугорчатой слизи с ананасовым компотом он уже проглотил.

Я отодвинула тарелку к нему.

– Нет, тебе это, может, нравится. Что-то в духе британской традиции. Мне это наслаждение, увы, недоступно.

– Темнота... – пробурчал Грейсон с набитым ртом.

Генри засмеялся.

Было начало марта, вторник, солнце светило сквозь немытое, до потолка, окно школьной столовой. Оно создавало нежные узоры на стенах и лицах, покрывало всё тёплым светом. Мне даже почудился в воздухе аромат весны, но он исходил, наверно, от толстого букета нарциссов на учительском столе, за который как раз уселась моя учительница французского, миссис Лоуренс. Вид у неё был такой, будто она спала сегодня ещё хуже меня.

И всё-таки пахло весной. Грейсон, Генри и я сидели на солнце за нашим любимым столиком, в углу возле дверей, и я уже поняла, что тест по истории на завтра отменяется, – словом, об этом можно было бы вообще не думать, если бы не тяжесть в желудке из-за этой истории с Расмусом.

– В пудинге из тапио тоже есть своя прелесть.

Генри, который предусмотрительно не стал пробовать десерт, улыбнулся мне, и я, на несколько секунд забыв про свои проблемы, улыбнулась ему в ответ.

Всё ещё могло получиться. Как это любила приговаривать Лотти? «Нет никаких проблем, есть задачи».

И ведь правда. Как скучна стала бы жизнь без проблем! Хотя проблемы, которые я уже, казалось, решила, росли как снежный ком. К сожалению, именно так у меня и бывает.

Это случилось позавчера вечером, и я совершенно не представляла, как опять выйти из положения.

Генри и Грейсон готовились у нас дома к экзамену по математике, и, когда они уже со всем справились, Генри по пути к выходу заглянул в мою комнату, чтобы пожелать мне спокойной ночи.

Вот уж кого я действительно не ожидала увидеть! И не только потому, что в это время уже полагалось спать, но и потому, что характер наших отношений до сих пор оставался неопределённым и мы ничего не сделали, чтобы можно было говорить не о «несчастном разрыве», а о «счастливом примирении». Все последние недели мы, правда, без лишних объяснений стали опять держаться за руки, а раз-другой даже поцеловались, так что со стороны могло показаться, будто всё опять идёт, как прежде, или, во всяком случае, на пути к этому. Но было не так. События последнего месяца и то, что Грейсон рассказал мне о любовных историях Генри до меня, оставили свой след в виде стойкого комплекса неполноценности, сознания своей сексуальной неопытности (или, как выражалась моя мать, отсталости).

Хотя я не чувствовала себя вполне счастливой оттого, что мы опять сблизились, я бы, наверно, постаралась разобраться в этом неясном чувстве между влюблённостью и счастьем, и, если бы мне это удалось, с Расмусом не произошло бы того, что случилось.

Но тут я сама оказалась к чему-то не готова.

¹ *Тапио́ка* (маниоковое саго) – крахмалистое вещество, добываемое из корней тропического растения маниока.

Когда Генри просунул голову в дверь, я как раз собиралась вставить в рот особые прокладки. Зубной врач, он же Чарльз Спенсер, обнаружил, что я во сне скриплю зубами (и я в это сразу поверила), а эти прокладки не давали повредить ночью зубную эмаль. Каково было их действие, судить не могу, больше всего они усиливали слюноотделение, за что я называла их «мои глупые слюнявчики».

При появлении Генри я сразу незаметно спрятала эти вещицы между матрасом и каркасом кровати. Было довольно некстати, что верхняя часть моей пижамы не соответствовала нижней и я выглядела не лучшим образом, но Генри сказал, что клетчатая фланель ему кажется чертовски сексуальной. Привело это к тому, что я его поцеловала, так сказать, в благодарность за комплимент, а за этим поцелуем последовал второй, более длительный, и наконец (я между тем почти утратила чувство пространства и времени) мы улеглись на моей кровати и бормотали друг другу слова, которые звучали как строки из дешёвых песенок, но мне в тот момент они не казались дешёвыми.

Характер наших отношений явно переходил к стадии «счастливой влюблённости», и я уже готова была поверить словам Генри, что фланель в клеточку делает меня безумно сексуальной. Но он на этом остановился, стал убирать пряди волос с моего лба и говорить, чтобы я ничего не боялась.

– Не боялась чего? – спросила я и слегка отстранилась от его поцелуев.

Хватило нескольких секунд, чтобы понять: всё это происходило в реальной жизни, а не, как обычно, во сне, где нам никто не мог помешать, и потому ощущалось сильнее, чем обычно.

Генри приподнялся на локтях.

– Ты сама знаешь. Не боялась, что всё слишком быстро. Что я от тебя чего-то требую. То есть принуждаю к тому, к чему ты ещё не готова. У нас ведь полно времени для твоего первого раза.

Вот тут всё и произошло. Сегодня в ярком весеннем свете школьной столовой я не могла ничего объяснить. Хотя нет... объяснить-то я уже могла, но, к сожалению, от этого не становилось легче. Причиной в любом случае были слова, сказанные Генри. Этот проклятый *первый раз!*

Те самые слова, которые пробуждают комплекс неполноценности, а с ним и нечто близкое – уязвлённую гордость. То и другое заставляло думать, что Генри тяготит моя неопытность, во всяком случае, его взгляд казался порой соболезнующим.

Ну что ж...

– Ты думаешь, я ещё не спала ни с одним... парнем? – Я поднялась и натянула на себя одеяло. – Так, так, понимаю. – Я слегка засмеялась. – Ты, играя со своим демоном, всерьёз принимаешь эту чушь о девственности, так что ли?

– Ну... да. – Генри тоже поднялся.

Уязвлённая гордость заставляла меня говорить слова, которые меня саму удивляли не меньше, чем Генри. Разбухший комплекс неполноценности при этом восторженно аплодировал.

Замешательство на лице Генри и то, как он вскинул при этом брови, мне очень понравились, от сочувствия и следа не осталось.

– Мы никогда про это по-настоящему не говорили, – продолжала я лепетать, почти забыв, что надо мной сейчас синее небо, – так убедительно звучал мой голос. – Конечно, у меня было не так много приятелей, как у тебя девушек, но были, были эти... парни... с которыми я была. В Претории.

Генри ничего не сказал, только выжидательно смотрел на меня, поэтому я продолжала:

– Это не была большая любовь или что-то такое, мы жили с ним всего три месяца, но секс с ним был...

В этот момент уязвлённая гордость (мерзкая штучка!) резко отступила, я снова осталась наедине с собой. И тотчас страстно себя возненавидела. Зачем я так сделала? Можно было завести искренний разговор, а я всё только испортила. Прежде всего, я дико покраснелась, потому что не могла закончить начатую фразу.

– Секс с ним был... Ты слышишь?

Только тут я обнаружила, как напряжённо всё это время Генри смотрел мне в глаза.

– *Был что надо*, – из последних сил пробормотала я.

– «Что на-а-до», – повторил Генри нараспев. – А как... как его звали... этого малого?

Ну да, ещё надо сказать, как его звали... Подскажи, дурацкая уязвлённая гордость! Надо было всё раньше обдумать! Чем дольше задерживаешься с ответом, тем проще тебя поймать на лжи, это знает каждый ребёнок.

– Расмус, – поспешила сказать я.

Не могло мне прийти на ум ничего лучшего, когда я вспомнила о Южной Африке! А ведь я неплохо умела врать.

Расмусом звали астматичного пёсика-чау-чау наших соседей, можно так назвать и человека. Сколько раз я часами гуляла с ним, с мопсом по кличке Сэр Баркс-Алот, и нашей собственной собачкой, Кнопкой.

– Расмус, – повторил Генри, и я с облегчением кивнула.

Звучало не так уж плохо. Для бывшего приятеля можно было придумать имя похуже. Хотя бы Сэр Баркс-Алот.

Но тут Генри неожиданно вернулся к прежней теме, хотя я уже и так чувствовала себя как на допросе. Точнее говоря, он не переменял тему, а снова начал меня целовать. Как будто хотел показать, что он умеет это лучше, чем Расмус. Чего на самом деле совершенно не требовалось. Готова биться об заклад: никакой Расмус в мире не мог целовать лучше, чем Генри!

Это было два дня назад. С тех пор мы ни разу не упоминали этого моего придуманного приятеля. На какой-то момент мой комплекс неполноценности всё-таки возвращался, но вообще-то ложь насчёт Расмуса не дала лечебного результата. Вот почему в тот вторник мне приходилось бороться со спазмами в желудке, и не только из-за пудинга из тапиоки и насмешек Генри.

Грейсон между тем понюхал мою порцию и стал с голодным видом оглядывать столовую, словно ожидал увидеть, не парит ли над нашим столом добрая фея с ещё одним пудингом на блюде.

Но вместо доброй феи мимо нас прошла Эмили, даже не бросив на Грейсона острого взгляда, который для неё был видом оружия. При этом она прямо-таки оттолкнула бедняжку Ванхагена, успевшего отпрыгнуть к учительскому столу, в то время как Эмили продолжала двигаться в сторону раздачи, где её уже ожидала сестра Грейсона Флоранс.

Эмили уже несколько недель можно было считать бывшей подружкой Грейсона. Хотя слово «бывшая» по отношению к ней звучало не совсем убедительно. Можно было лишь восхищаться хладнокровным спокойствием, с каким он встречал Эмили.

– Мне казалось, всю порцию презрительных взглядов я сегодня уже получил на уроках английского.

– Но, похоже, эти порции стали крупней. – Генри наклонился, чтобы лучше рассмотреть Флоранс и Эмили. – Я, конечно, не умею читать по губам, как профессионал, но я почти уверен, что она сейчас рассказывает твоей сестре, что ты видел сегодня во сне. Подожди... Кролика? Так?

Всегда приятно подразнить Грейсона, особенно когда это отвлекает от собственных проблем, поэтому я сразу так и сделала.

– О, значит, какого-то пушистого кролика? Что ещё может Эмили выдать про тебя?

Грейсон положил ложку на тарелку и мягко улыбнулся:

– Сколько же вам объяснять, что вы заблуждаетесь? Эмили ничего не знает про коридор снов. Не говоря уже о том, что она никогда не стала бы шпионить в чужих снах. Для этого она слишком разумна и реалистична.

Можно было бы ответить, что ему самому не хватает фантазии, но сделать этого я не успела, потому что Грейсон продолжил:

– Не понимаю, зачем вы всё время твердите об этом. Уже несколько недель ничего больше не происходило. В любом случае, всё уже позади.

Каждый раз, когда он так говорил (а он говорил это довольно часто, наверно, для того, чтобы убедить самого себя), какая-то часть меня (доверчивая, жаждущая гармонии) хотела верить, что всё так и есть. И ведь действительно: в коридорах снов уже несколько недель царило мирное спокойствие.

– Артур усвоил полученный урок. Он оставит нас в покое, – с нажимом сказал Грейсон.

И доверчивые, жаждущие гармонии голоса во мне тотчас затрубили в те же горны: *Конечно же! Не надо всегда ждать худшего! Люди тоже меняются. В каждом есть что-то доброе. Даже в Артуре.*

– Понятно, Грейсон. – Генри насмешливо сморщил лоб. – И он тебе наверняка давно простил то, как ты ворвался к нему в сон и здорово его поколотил, добрый ты человек.

Артур сидел совсем недалеко от нас, как раз позади учительского стола, за которым мистер Ванхаген оживлённо беседовал с директрисой Кук. В это время сонливая миссис Лоуренс, казалось, вот-вот уткнётся головой в суп. Артур как раз смеялся над чем-то, что сказал Габриэль, демонстрируя при этом свои превосходные зубы. От побоев, которые нанёс ему Грейсон, не осталось и следа, его лицо оставалось таким же ангельским, как прежде. Он производил впечатление совершенно спокойного, уверенного в себе человека. Я тут же пожалела, что посмотрела на него. Один его вид снова взбесил меня. А другие ведь даже не подозревали, с кем они сидят за одним столом.

– Может, он на меня ещё злится, – предположил Грейсон, – но у него хватает ума, когда нужно, про всё забыть. – Он энергично сдвинул на столе свои тарелки и миски. – Никто не может совсем отделаться от некоторых мыслей, даже если уже перестал бродить по коридору снов, которого вообще-то не должно существовать.

Его явно раздражало, что наши лица выражали сомнение, поэтому он отвёл взгляд, но упрямо выставил вперёд подбородок:

– Всё как нельзя лучше.

Жаждущие гармонии, доверчивые голоса во мне теперь окончательно смолкли.

– Ну конечно же как нельзя лучше! – Я посмотрела на Грейсона. – Если не считать мелочей, вроде той, что Артур поклялся отомстить, после того как ему не удалось убить мою младшую сестру. Или той, что истекающая кровью Анабель отменила жуткий сон своего психиатра и продолжает тут бегать. Или что твоя конечно же разумнейшая и морально неуязвимая экс-подружка ночами пробирается в твои сны. Как уже сказано, это всё мелочи. Всё как нельзя лучше.

– Нет, это неверно. – Хотя я перечислила лишь малую часть наших проблем, Грейсон выделил сравнительно безобидную «экс-подружку». – Даже если в коридоре снов вам встретилась действительно Эмили, это был единичный случай. – Он бросил ненужную ложку на поднос. – Не говоря о том, что ей совершенно неинтересны мои сны. Я позаботился о новых средствах безопасности, которые она преодолеть не сможет, – добавил он немного мрачно.

Я чуть было не сказала: «Что ж, не заставит ли теперь этот страшила Фредди повторять по буквам что-то про *пудинг из тапиоки*».

Но тут миссис Лоуренс вскочила и взобралась на учительский стол. И нам стало ясно, что всё это время мы были похожи на людей, которые устроили уютный пикник на краю вулкана. И ведь знают, что в любой момент может начаться извержение, но говорят и спорят о том,

как это ужасно, и, лишь когда земля под ними начинает трястись, до них доходит, что это действительно серьёзно. И что они упустили время, когда ещё можно было спастись.

Опрокинув кучу посуды, миссис Лоуренс сразу привлекла к себе общее внимание. Несколько учителей вскочили, потому на их одежду попала вода или сок. У директрисы Кук хватило присутствия духа, чтобы отодвинуть в безопасное место вазу с нарциссами, а школьники вокруг начали перешёптываться.

Миссис Лоуренс было около сорока. Тонким лицом, тёмными волосами и длинной изящной шеей она мне напоминала одну французскую актрису и её долговязого пони по кличке, кажется, Софи. Она предпочитала носить светлые блузки, костюмы от Шанель и туфли на высоких каблуках, на которых могла ходить безумно быстро. Её волосы были уложены элегантно и в то же время небрежно, и она умела посмотреть невероятно строго, если кто-то не выполнил домашнего задания. Вообще, она вполне соответствовала расхожим представлениям о французской учительнице, и нам всегда казалось, что у неё это не от природы, а позаимствовано из какого-то известного кино.

Впрочем, сейчас она была на себя не похожа. Не замечая шума и суеты вокруг, она стояла на учительском столе среди грязной посуды, раскинув драматически руки.

В первый момент я подумала, что она хочет держать речь в духе фильма «Клуб мёртвых поэтов» и цитировать Уитмена², чьи стихи хотя того и заслуживали, но были неуместны, если иметь в виду предмет, который она преподавала.

– Вы, наверно, знаете, потому что могли прочесть в блоге этой анонимной твари Леди Тайны, что у меня с этим вот Жилем Ванхагеном в последние два года учёбы был роман, – сказала она своим ясным голосом, заставляющим дрожать не только пятиклассников.

Мистер Ванхаген, как раз пытавшийся с помощью салфетки убрать то, чем его испачкал опрокинувшийся стакан, замер, и лицо его побледнело.

В зале повисла мёртвая тишина.

– Роман, – повторила миссис Лоуренс, и уголок её рта презрительно опустился. – Терпеть не могу это слово. Оно всё делает таким жалким, таким мелким, таким достойным презрения, всё, что для меня было таким чистым, таким чудесным, в чём было столько сладости. Я была так влюблена, так счастлива и так уверена, что мы созданы друг для друга.

Оглянувшись, я отметила, что в зале, полном половозрелых подростков, известных своей чувствительностью, никто не хихикнул, не засмеялся, даже не щёлкнул мобильником, чтобы запечатлеть это примечательное мгновение, я видела только шокированные задумчивые лица. Никто не шевельнулся. Наверно, ещё никогда в славной «Академии Джабс» нельзя было увидеть учителя на столе.

– Я ему верила, когда он говорил, что бросит свою жену, – продолжала миссис Лоуренс и дрожащим пальцем показала на мистера Ванхагена, а тот всё раздумывал, спрятаться ли ему сейчас под столом или просто убежать. – А надо было во всём получше разобраться! – Миссис Лоуренс повернулась на каблуках, опрокинув ещё один стакан. – Мужчинам никогда нельзя доверять, вы слышите, девочки? Им нужно только одно: завладеть вашим сердцем, чтобы потом растоптать его! – Она огляделась и воскликнула: – Надо ли вам это доказывать? Продемонстрировать вам, что он сделал с моим сердцем?!

Это, конечно, был риторический вопрос, не требующий ответа, но, если бы прозвучало ясное «нет» или в неё что-нибудь бросили, это могло бы предотвратить катастрофу, которая уже совершалась. Но мы были слишком ошеломлены.

Медленно, очень медленно миссис Лоуренс расстегнула свой жакет от Шанель, дала ему соскользнуть с плеч, и тот упал в салат мистера Дэниела. Затем она стала расстёгивать пуговицы на блузке.

² Уолт Уитмен (1819–1892) – американский поэт, публицист.

– Посмотрите сюда! Я покажу вам, где он вырвал из груди моё сердце.

Я затаила дыхание. И все другие словно перестали дышать. Ещё две пуговицы – и мы увидим, какого цвета бюстгальтер у миссис Лоуренс.

Только директриса Кук сохранила способность шевельнуться. Она осторожно поставила вазу с цветами на пол и вскинула руку:

– Кристабель, моя милая! Слезьте, пожалуйста, со стола.

Миссис Лоуренс уставилась на неё растерянно.

– Но сердце... – пролепетала она. – Я ведь должна им показать моё сердце.

– Знаю, знаю! – сказала директриса Кук, и голос её слегка дрожал. – Слезайте! Пойдёмте ко мне в кабинет.

– Куда?

Миссис Лоуренс медленно опустила руку и огляделась. Каблук её правой туфли оказался в тарелке мистера Ванхагена, и, когда она его вынула, на стол потекли капли горохового супа.

– Что случилось? Как я?.. Почему?..

На лице миссис Лоуренс был ужас, её немного пошатывало, как бывает с человеком, который во сне куда-то забрался и не может понять, где он.

– Всё хорошо, Кристабель, – заверила её директриса Кук. – Вам надо лишь спуститься с этого стола. Эндрю, не подадите ли вы ей руку?

– Почему?.. Кто?.. – Миссис Лоуренс в панике оглядывалась, её взгляд непонимающе блуждал по нашим лицам.

Точно так же, как после приступа лунатизма, случившегося с Мией, меня вдруг озарило, в желудке появилось неприятное ощущение, а вместе с ним пришло понимание. С миссис Лоуренс всё произошло не случайно – это было какое-то представление для нас. Кто-то использовал миссис Лоуренс как марионетку, чтобы что-то нам показать.

Этот кто-то был намного сильнее нас. И он нас опережал.

– Это ведь сон, не так ли? – проговорила миссис Лоуренс. – Конечно же сон.

– К сожалению, нет, – прошептала за моей спиной девушка.

И я почувствовала, что все в этом зале так же, как я, сочувствуют этой заикающейся и шатающейся женщине.

Все. Кроме одного человека.

В то время как мистер Дэниел и всё ещё мертвенно-бледный мистер Ванхаген помогали миссис Лоуренс сойти со стола и повели её к выходу, я медленно повернула голову и встретилась глазами с Артуром. Он, казалось, ожидал этого, взгляд его голубых глаз оставался невозмутимым. Пока на него не стали глядеть и Генри с Грейсоном. Конечно, они подумали о том же, о чём и я.

Артур усмехался. Усмешка его была не просто торжествующей, но какой-то противоестественно удовлетворённой.

Ученики, оправившись от шока, устремились к выходу из зала, Артур слегка поклонился нам.

– Это только начало, друзья мои, – прошептал он несколько мгновений спустя, протискиваясь в толпе мимо нас. – Попробуйте так сами.

Глава вторая

Генри нашёл слова первый:

– Опять этот Артур со своей извращённой душой.

– Дерьмо! – сказал Грейсон и закрыл руками лицо.

Школьная столовая гудела, как пчелиный рой.

– Как он это сделал? – спросила я. Нотки ужаса в моём голосе усиливали чувство страха, который я и так испытывала. – Как он мог так манипулировать сном миссис Лоуренс – заставить её среди дня взобраться на стол и попросту погубить свою жизнь?

Я продолжала смотреть на хаос вокруг учительского стола.

Генри пожал плечами:

– Думаю, это какой-то особо коварный вид гипноза. Достаточно выбрать объект и проникнуть в него.

– Ну да, звучит суперпросто! – насмешливо сказал Грейсон.

– Но почему бедная миссис Лоуренс? Что... – Я ненадолго замолкла, потому что мимо нашего стола к выходу как раз направлялся Сэм, брат Эмили.

После истории с Господином Исполином он имел обыкновение, проходя мимо меня, тихо говорить: «Стыдись». С некоторых пор он говорил это и Грейсону, однако сегодня и он казался слишком шокированным, чтобы думать об этом. Я дождалась, когда он достаточно удалится, потом спросила опять:

– Почему миссис Лоуренс? Что она сделала Артуру?

– Ничего, насколько я знаю. – Грейсон выглядел таким же беспомощным, как и я. – Артур и французским языком перестал заниматься два года назад.

– Думаю, тут нет ничего личного, – сказал Генри.

В отличие от Грейсона, он не казался подавленным, был даже как-то необычно оживлён.

– Миссис Лоуренс он выбрал скорее просто случайно, чтобы продемонстрировать нам свои возможности. – Генри взглянул на часы. – Всё, Грейсон, нам пора обсуждать с миссис Забрински проблемы кубофутуризма и русского авангарда.

Грейсон с глубоким вздохом взял свою куртку:

– Чёрт побери, а ведь у меня до сих пор по всему телу мурашки. Никогда не думал, что буду так бояться Артура. Но зато теперь у меня такое чувство, что в сравнении с ним все злодеи мира – не больше чем детские страшилки.

– Находи во всём что-нибудь позитивное, – сказал Генри и ободряюще похлопал Грейсона по плечу. – По крайней мере мы знаем, почему он все последние недели держался так тихо. Он придумывал способ достичь мирового господства.

Хотя последние слова должны были звучать как шутка, ни у Грейсона, ни у меня они не вызвали желания посмеяться.

– Если Артур может так манипулировать снами людей, заставлять их наяву делать, что он пожелает, отсюда не так уж далеко до мирового господства, – пробормотала я. – И если мы захотим предупредить об этом людей, мы окажемся в психушке раньше, чем произнесём:

Дверь сна.

– Ну да! – ухмыльнулся Генри. – Скверно, что мы единственные могли бы его остановить.

– Только не знаем, как это сделать, – добавила я тихо.

– И всё же мы... мы должны что-то сделать. – Грейсон был полон решимости. – Давайте сегодня вечером после тренировки встретимся дома. Нужно разработать план.

Казалось, пока он надевал куртку, ему на ум что-то пришло. Выражение решимости на его лице опять сменилось растерянностью.

– Вот ведь урод! Он действительно отыскал худшее время. Как нам спасти мир и одновременно готовиться к выпускным экзаменам?

Генри коротко хохотнул:

– А ведь у него та же проблема! Сомневаюсь, что он ради мирового господства пожертвует своим выпускным экзаменом.

Хорошо, если в этом он был прав. Хотя для мирового господства необязательно получить диплом с отличием.

На двух следующих уроках после обеда единственной темой оставалась миссис Лоуренс, её нервный срыв и чуть ли не стриптиз. Директриса Кук вполне могла отвезти её напрямик в клинику, так что мы увидим миссис Лоуренс уже не скоро. Урок мистера Ванхагена также был отменён. Возможно, и у него случилось нервное расстройство, как предполагала моя подруга Персефона. Или он поехал домой к жене и собирается искать новую работу. Трудно сказать, кто больше нуждался в сочувствии.

Когда я после уроков шла домой со своей младшей сестрой Мией, оказалось, что эту историю уже давно обсуждали ученики младших классов.

Мия, конечно, хотела узнать подробности.

– Это правда, что она ступила в гороховый суп и разнесла мокрый след по всей школе? – спросила она, едва мы покинули школьный двор.

Я уже собиралась ответить, когда кто-то сзади обнял меня. Я автоматически вскинула кулаки.

– Пожалуйста, без кунг-фу³, это всего лишь я!

Генри убрал руку. Он всё ещё пребывал в весьма приподнятом настроении. Или просто мне так казалось.

– Привет, Мия! Славная у тебя причёска.

– Лотти называет её «Гнездо Сисси». – Мия потрогала плетёную корону на голове. – А Лив и я называем это «Навозной кучей Сисси».

– Очень практично, – сказал Генри и взял меня за руку. – Что если я немного пройду с вами? А почему, кстати, вы не пользуетесь автобусом?

– Потому что на солнце так хорошо. – Мия покрепче взяла меня под руку и нахмурилась.

Прежде чем она успела открыть рот и задать какой-нибудь неприятный вопрос («Вы что, опять сошлись или как? Если нет, почему вы так держитесь за руки?»), я сама поспешила добавить:

– Потому что в автобус с нами всегда садится одноклассник Мии, который называет её Серебряный волос, Гил Уолкер. Да ещё пишет ей любовные стихи.

– Ужасно, конечно! – засмеялся Генри.

Ох уж эти ямочки на его щеках! Они сразу навеяли мысли о поцелуях.

– Не говори. – Мия, к счастью, решила отвлечься. – Наконец-то нашёлся человек, который от этого не в восторге. А то мама и Лив хотели меня убедить, что мне надо поискать деликатные слова, лишь бы не обидеть мальчика.

– И со всей деликатностью сказать ему, что лучше бы он поискал другую принцессу, – пояснила я.

– А ещё добавить, что иначе я пошлю его вместе со стихами куда-нибудь подальше! – Мия, фыркнув, пнула камешек, оказавшийся у неё под ногами. – Да ведь это его ничуть не смутит, только вдохновит на новый стишок.

В самом деле. Даже я бы могла добавить, что от поездки на автобусе невелика радость, если у тебя за спиной кто-то громко ищет рифмы к *синим, как небо, глазам и блеску зубов*.

³ *Кунг-фу* – китайское боевое искусство.

– Мы с Мией уже подумывали, не сочинить ли нам в ответ стихи под заглавием «Бедняга-бродяга», – сказала я.

Ямочки в уголках рта Генри никуда не девались.

– Любовь, что тут скажешь! – улыбнулся он и театрално вздохнул. – Влюблённые делают самые странные вещи. Кстати, Мия, ты не встречала в Южной Африке некоего Расмуса?

Сразу стало не до шуток.

– Расмуса? – переспросила Мия.

О господи! Не надо, пожалуйста! Я от страха остановилась как вкопанная. Так всегда обращается ложь: рано или поздно она выплывает наружу. Ещё чуть-чуть и Генри убедиться, что своего бывшего дружка я просто выдумала: Расмус была кличка собаки. Вот уж когда можно было ждать от него сочувствия.

– Расмуса? Ты имеешь в виду Расмуса из Вэйкфилда? – спросила Мия.

Я всё ещё не могла сдвинуться с места и пыталась телепатически внушить ей, чтобы она заткнулась. Увы, не подействовало.

Мия и Генри ничуть не были смущены.

– М-м... ну да, Расмус из Вэйкфилда. Расмус из Вэйкфилда, – сказала я и нервно показала на палисадник. – Посмотрите, какие чудные нарциссы!

Жалкая попытка перевести разговор полностью провалилась. Мия и Генри пошли вперёд, не дожидаясь меня. Я беспомощно смотрела им в спины.

– Так как же насчёт Расмуса? – услышала я, как спросил Генри.

– Что ты хочешь знать? – не поняла Мия.

– Да так просто. Он тебе нравился?

Я наконец смогла двинуться дальше.

– Расмус? Ну конечно же! Он был такой милый. Может, немного назойливый. Держался по-хозяйски. Так его в Вэйкфилде воспитали.

О нет! Пожалуйста, не надо! Сейчас она скажет о синем языке⁴.

– Назойливый и по-хозяйски держался? – Генри коротко взглянул на меня, вскинув бровь.

– Да подождите вы! – Я втиснулась между ними.

– Лив называла его *Маленький головастик*. Правда, Ливви? У-уй!..

Мой толчок локтем опоздал на секунду. Деланный смех был попыткой вмешаться в их разговор.

– Было не так. У вас, случайно, нет жвачки?

Бесполезно. Мия увлеклась воспоминаниями, а Генри... Да, выражение его лица опять невозможно понять.

– Да было ведь, Ливви. Ты придумывала для него всегда забавные прозвища. Неужели забыла? Кнопка всегда ужасно ревновала, она покусывала ему лапы, когда ты чесала ему живот...

Вот, всё-таки добралась!

– Вы не могли бы о чём-нибудь другом поговорить? – крикнула я, может быть, слишком резко. И добавила чуть мягче: – Тебе больше не интересно, что было с миссис Лоуренс дальше? Мы с Генри там присутствовали.

На этот раз подействовало. Мия переключилась на меня, и тема бывшего дружка, то есть по-настоящему бывшей *собаки*, стала не такой важной. Хотя можно было опасаться, что Генри при первой же возможности постарается к ней вернуться.

⁴ У собак породы чау-чау синие языки.

Мия увлечённо слушала, как миссис Лоуренс взобралась на стол и держала оттуда речь, а я на себе показывала, как мистер Ванхаген собирался вырвать у неё сердце. Говорили то я, то Генри, а Мия вздыхала сочувственно.

– Ужасно, когда от любви сходят с ума, – сказала она, выслушав, как директриса Кук вывела совершенно потерянную миссис Лоуренс из зала. – Нервный срыв перед множеством людей – от такого до конца не оправившись.

– Это не был нервный срыв, – сказал Генри. – И она не сошла с ума от любви, и наркотиков не употребляла. Она была в таком же состоянии, как и ты, когда во время приступа лунатизма готова была выпрыгнуть из окна.

Я взглянула на него испуганно. Не собирается же он посреди дороги рассказывать ей про Артура и сновидения?

– Не пора ли тебе тут свернуть? – сказала я чуть резко.

В одном нам уже давно не удавалось сойтись во мнениях: Генри считал, что мы должны посвятить Мию в тайну ради её собственной безопасности, а мы с Грейсоном были против. Ей уже исполнилось тринадцать, и дело было прошлое. Её подсознание могло само позаботиться о безопасности. (Дверь её снов охранялась, как Форт Нокс⁵, да и Артура интересовали уже другие объекты. Знать, что он проник в её сон и воспользуется её лунатизмом с угрозой для жизни – не стоило Мию зря этим пугать и смущать).

– Что ты имеешь в виду? – уставилась она на Генри.

Тот опять посмотрел на меня и вздохнул, увидев каменное выражение на моём лице.

– Об этом спроси свою сестру. А мне здесь надо действительно сворачивать. Приятно было поболтать с вами. – Он чмокнул меня в щёку. – Увидимся вечером.

– Он и вправду считает, что у миссис Лоуренс был лунатизм? – спросила Мия, пока я провожала взглядом Генри.

Его волосы торчали, как всегда, во все стороны. Раньше я считала, что он по утрам специально растрёпывает их пятернями, но смогла убедиться, что на его шевелюре всегда четырнадцать завитков, не требующих специального ухода. Каждый из этих завитков я знала наизусть, трогала их, поглаживала, и...

– И правда ужасно, что делает с людьми любовь, – сказала Мия.

– Да. Бедная миссис Лоуренс... – поспешила поддакнуть я.

– Я имею в виду не миссис Лоуренс. – Мия вскочила на бордюр и пошла по нему, балансируя. – А что у тебя с Генри? Вы опять сошлись или нет?

– В общем, да, – пробормотала я, радуясь, что мы сменили тему. – Хотя мы прямо об этом не говорили. Кое-что надо ещё прояснить. И потом я так глупо э-э...

Мия вздохнула и прыгнула с бордюра на тротуар.

– *Что* ты так глупо?

– Придумала бывшего приятеля. С которым я... спала.

Мия взглянула на меня озадаченно:

– Почему?

– Чтобы Генри не думал, что он первый.

Такая откровенность звучала ещё ужасней, чем я думала.

– Почему? – повторила Мия.

– Потому что... потому что... – Я застонала. – Сама точно не знаю. Просто так получилось. Словно говорила не я сама, а кукла чревовещателя, которая в меня пробралась. И теперь Генри думает, что у меня в Южной Африке был дружок. И был секс с ним.

– В самом деле, не хотелось бы опять спрашивать *почему*, но иначе не получается.

⁵ **Форт Нокс** – хранилище слитков золота в США (английское название *Fort Knox* происходит от находящейся рядом военной базы).

– Он... он всегда так сочувствовал... и потом был этот... Ах, тебе не понять.

– Почему не понять? Боже, пожалуйста, позволь мне никогда не влюбляться и не делать глупости, не понимая, почему я их делаю. – Мия крепко взяла меня под руку. – Что ж, по крайней мере, с тобой и Генрихом не соскучишься. Буду с нетерпением ждать, как ты выпутаешься из этой истории.

Я и сама жду.

– И ещё одна просьба: если Генри опять спросит о Расмусе, не говори, что он так смешно чесался или что-то в этом роде...

Мия остановилась и широко заулыбалась:

– О! Наконец до меня дошло, почему Генри так хочется знать про этого толстого пёсика. – Она захихикала: – Ты дала имя Расмус своему бывшему другу!

– Это было первое имя, которое пришло мне на ум. – Мне тоже эта история начинала казаться забавной.

– Надо же, Ливви, как ты это умеешь! – ахнула Мия. – Расмус Вэйкфилд. Хорошо, что я не сказала, как он мочился у каждого фонаря.

– Или что от него после дождя ужасно воняло.

– Или как он подвывал, когда ты играла на гитаре.

– И как он заснул на кошачьей подстилке.

Мы уже приближались к дому, но всё ещё не могли справиться со смехом и почти столкнулись с небритым молодым типом, который, балансируя, переносил через тротуар две картонные коробки, настольную лампу и саксофон.

– Вам сюда? – спросила Мия, показывая на соседний дом.

Парень кивнул, что далось ему не так просто, потому что подбородком ему надо было придерживать на верхней коробке две книги.

– Ничего. – Мия ободряюще улыбнулась ему. – Прежние жильцы здесь были ужасно скучными. Хозяйка подметала каждый день дорожку и ругалась с дроздами.

– Моя мама их боялась... – вздохнул парень, и книги выскользнули из-под его подбородка.

– Упс!.. – сконфузилась Мия.

Я успела подхватить книги на лету. Это были тяжеленный том под названием «Процессуальное право» и зачитанный «Отель “Нью-Хэмпшир”» Джона Ирвинга в карманном издании. Парень был, очевидно, студентом-юристом с неплохим литературным вкусом.

– Вы наблюдаете возвращение блудного сына домой.

Возле нас на велосипеде затормозила Флоранс. Выглядела она, как всегда, ошеломляюще, ничуть не потрёпанная после целого дня в школе. Её каштановые волосы были собраны в конский хвост, одна блестящая прядь выбилась, что очень ей шло. Видя её чарующую улыбку, сияющие глаза и эти милые ямочки на щеках, нельзя было поверить, что она может сказать или сделать что-то неприятное. Но впечатление было обманчивым. Последнее время она была особенно раздражённой.

– Я слышала, твоя подружка выгнала тебя из своего дома, – сказала она небритому. – Твоя мама говорила, что в мире ещё не было такой стервы. Ты с ней согласен?

– Есть и похуже, например Пойсон Иви. – Парень усмехнулся, показав при этом прекрасные зубы. Он даже не заметил, что я подхватила его книги. – Привет, Фло! Ты так выросла!

Флоранс убрала за ухо локон.

– А как же, время идёт. Имей в виду, я ещё не сдавала, как ты, юриспруденцию. А ты, я слышала, не ко всем экзаменам подготовился. Твоя мама считает, всё из-за влюбленности в эту стерву.

– Бывшую стерву...

Другого такие слова наверняка бы смутили, но парень выглядел невозмутимым, хотя переселялся к своей маме и в подмышку ему упёрлась настольная лампа.

– Радуйся, что отделался от неё. – Флоранс с показным сочувствием похлопала его по руке, настольная лампа при этом покачнулась. – Она вообще про вас много врала. Будто вы разошлись потому, что ты завёл роман с её лучшей подружкой. Да ещё с сестрой этой лучшей подружки. И что ты больше ходишь по разным клубам, чем занимаешься учёбой. И что последние четыре месяца ты не вносил свою долю квартплаты, задолжав за своё бессмысленно дорогое старьё с капотом в четыре раза длинней чемодана. Не примерно, а именно в четыре.

Она показала на красный автомобиль, стоявший у тротуара, – капот у него был действительно великоват.

– Вот ведь бессовестная лгунья! Это не старьё, это «Morgan Plus-8», выпуск 2012 года, – весело объяснил парень. – Отец одного приятеля продавал его за смехотворно низкую цену, только идиот за него бы не ухватился. Чтобы расплатиться, придётся мне месяц-другой пожить у родителей и каждый день самому себе готовить. Но это я переживу. С такими приятными соседями... – Он подмигнул Флоранс. – Мама, наверно, прятала от меня твои любовные письма. Мы их ещё почитаем с ней вместе.

Теперь Флоранс не без труда удалось изобразить на лице улыбку.

– Мне было тогда двенадцать, – пожалала она плечами и покатила велосипед дальше.

Конский хвост на затылке бурно качался.

– А мне помнится, как вчера! – ухмыльнулся сосед, когда Флоранс с велосипедом скрылась во дворе. Потом повернулся к нам с Мией (мы слушали их разговор разинув рот): – А вы кто?

– Будущие сводные сёстры Флоранс, – охотно представилась Мия. – Я Мия, а это Лив.

– Рад с вами познакомиться, Мия и Лив. А я Матт. Тот, кто в ближайшем месяце будет здесь чистить дорожки и воевать с дроздами.

– Приятно знать.

Я положила «Процессуальное право» на верхнюю коробку. Матт снова прижал её подбородком и продолжил свой путь к дому.

– Спасибо, – сказал он, полуобернувшись. – Мы, конечно, скоро увидимся.

Можно было только удивляться, как он всё ещё удерживал коробки вместе с настольной лампой, не говоря о саксофоне, который уже угрожающе накренился.

Мии что-то пришло на ум.

– Твоя мама действительно прятала любовные письма Флоранс? – крикнула она ему вслед. – Может, тогда ты их мне продашь?

Матт засмеялся:

– Почему бы нет? Мне каждый пенни дорог.

– Не смотри с таким упрёком, – заявила Мия, когда мы наконец свернули во двор к Спенсерам. – Мне это только на крайний случай.

– Собираешься стать вымогательницей?

– Лучше вымогательницей, чем воровкой. Я ведь видела, как ты стащила одну его книгу. Зачем?

– Упс!.. – Я вытащила из кармана блейзера книжку Матта, изобразив изумление. – В самом деле. «Отель “Нью-Хэмпшир”». Захотелось просто ещё раз её почитать.

На самом деле я врала: у нас дома был собственный экземпляр, даже с подписью и посвящением маме. Спонтанная мысль, что это может понадобиться, – взять себе какую-нибудь личную вещь Матта. Сама даже не знала, на что её можно употребить. И какая вещь может быть более личной, чем любимая, много раз перечитанная книга?

БАЛАБО-БАЛАБА

БЛОГ

Блог «Балабо-Балаба» – самые свежие новости, последние сплетни и горячие скандалы «Академии Джабс».

ОБО МНЕ:

Я – Леди Тайна, я здесь, среди вас, и знаю все ваши секреты.

UPDATE

ACTIVITY

3 марта

J'ai tremblé

tu as tremblé

il/elle a tremblé

nous avons tremblé

vous avez tremblé

*ils/elles ont tremblé*⁶.

О да, мы все дрожали на уроках миссис Лоуренс, когда она велела нам спрягать глаголы. И беда тому, кто не успевал. В первый год я думала, что её строгое «L'exactitude est la politesse des rois»⁷ значит «Точно – то есть вежливо» и относилось как к опозданиям, так и к школьной форме. (На самом деле это означает: только те, кто выбрали испанский язык, могут пожаловаться, что «Точность – вежливость королей» слишком усложняет мой блог). И хватит об этом. Может, никто больше не будет потеть на уроках французского у миссис Лоуренс. Последний урок, который она преподавала нам, означал: «Не связывайтесь с женатым мужчиной». Очень полезно. Может, даже полезней, чем спряжение неправильных глаголов. Хотя, конечно, никто из нас и представить не мог романа с мужчиной вроде мистера Ванхагена. Даже если бы он не был женат. Правда?

Так или нет – то, что произошло сегодня в столовой, было ужасно, настолько ужасно, что даже будь у меня фото, я бы его не воспроизвела. Пусть миссис Лоуренс называет меня как хочет, я должна бы теперь ей сказать: вы слишком хороши для мистера Ванхагена, миссис Лоуренс. И вы показали: психотропные средства могут творить чудеса. И кто знает, может, вы когда-нибудь ещё вернётесь в нашу школу. Или встретите в клинике любовь своей жизни и будете счастливы как-нибудь по-другому. Я думаю, вы это заслужили. *Chaque chose en son temps*⁸. (Вставьте, где нужно, ваши французские банальности, я вам не переводчица, а просто анонимная бездельница).

⁶ Я дрожал, ты дрожишь... (фр.) – спряжение глагола «дрожать».

⁷ Точность – вежливость королей (фр.).

⁸ Всему своё время (фр.).

Кстати, ещё новость от этой бездельницы. После сегодняшней драмы в школьной столовой все другие новости, конечно, поблёкли. Поэтому вот только самое интересное: в тот же самый момент Джаспер Грант находился в пути между Кале и Дувром. Хотя ещё до конца триместра он должен был оставаться на своей французской свалке, сегодня отец вынужден его оттуда забрать. Вообще, из-за вопиющего нарушения правил он исключён из школы. Можно только гадать, что такого ужасного он натворил. Но что хорошо: завтра мы сами сможем его спросить.

Я же очень этому рада – Джаспера мне не хватает.

Увидимся!

Ваша Леди Тайна

vk.com/timeless1402

Глава третья

– Июнь? Уже в этом году?

Миссис Спенсер-старшая, то есть бабушка Грейсона и Флоранс (её также называют Рысей, женщина, которая своим «бентли» занимает на парковке сразу два места), озадаченно смотрела на маму.

– Но к этому сроку нельзя успеть.

– До свадьбы ещё три с половиной месяца.

Мама сидела за кухонным столом перед горой экзаменационных работ, которые надо было проверить. До прихода Рыси она, приподняв ноги, подставляла лицо послеполуденному солнцу.

– Будем относиться к этому спокойно.

– Кто как. – Флоранс принюхалась. – Только не я.

Считая участие Лотти в общем хозяйстве излишним, она иногда заглядывала на кухню и смотрела, что та готовит. Сегодня это были крохотные яблочные кексы с корицей, вид у них был такой же аппетитный, как и запах. Флоранс попробовала, отщипнув кусочек, – на лице её против желания выразился восторг. Но, заметив, что мы с Лотти наблюдаем за ней, сказала быстро и как нельзя равнодушной:

– Мы с Грейсоном в подготовке не участвуем. Нам хватает занятий в школе. В июне будет ещё выпускной бал. Может, действительно стоит сдвинуть срок. На осень или на следующую весну.

– Да, или на 2045 год, как раз к их восьмидесятилетию. – Мия взяла три кекса и некоторое время смотрела в задумчивости, не съесть ли их, что наконец и сделала.

– Не волнуйтесь, ничего не надо планировать. – Мама одарила нас невозмутимой улыбкой. – Будет как будет – всё-таки нет лучшего праздника.

– Но... – Рысе словно стало не хватать воздуха. – Но это же свадьба, а не детский день рождения! Тут не обойтись несколькими воздушными шариками. Один список гостей... У нормальных людей уже есть свои планы на лето.

– Да уж, у тёти Гертруды наверняка, – пробормотала Мия.

– Не имеет значения. У кого есть время, тот придёт, а другие не придут, – сказала мама. – Ничего особенно грандиозного, небольшой, без претензий, праздник...

– У Лотти будет повод надеть свою широкую юбку в сборку.

– А я, по крайней мере, испеку торт. – Лотти сияла. – Трёхслойный.

– Это будет супер, – поддержала мама.

Рыся застонала.

– О помещении в июне можно, конечно, не заботиться. Праздновать будем в саду. – Она коротко засмеялась, чтобы подчеркнуть ироничность своих слов, но мама этого не ощутила.

– Хорошая идея, – кивнула она.

– Но это же катастрофа! – возразила Рыся.

– Нет, если мы не допустим, чтобы распорядились тётя Гертруда и бабушка Вирджиния, – заметила я.

Рыся побледнела. Мысль, что у нас появится ещё одна семья, до сих пор как будто не приходила ей в голову.

– О, я буду только рада ближе познакомиться с вами. – Флоранс закатила глаза.

Они с Грейсоном были близнецами, но Флоранс любезностью напоминала бабушку, у которой стали набухать жилы на лбу.

– Небольшой пикник в саду! Это можно было бы устроить, если бы речь шла не о свадьбе. Если бы не было ни семьи, ни обязательств. – Она возбуждённо стала ходить по кухне взад-

вперёд. – Но мой сын, в отличие от тебя, помнит о принципах и традициях, которые обеспечили ему положение в обществе. Ты о них представления не имеешь.

– У тебя прямо дым из ушей, – весело сказала мама.

– Глупости, – ответила Рыся.

Но мама была права: из ушей Рыси явно поднимались маленькие белые облачка, да ещё слышался шум двигателя. Тут только я поняла, что всё это мне снится. Хотя разговор на кухне действительно происходил сегодня после полудня. А что уши Рыси не дымились и рядом с холодильником не было зелёной двери, это я теперь заметила.

Рыся из сна проследила за моим взглядом.

– Вычурное рукоделие – это для меня слишком. Дверная ручка в виде ящерицы – моему, верх безвкусицы... Ах, что это?

Дверная ручка шевельнулась. Мелкие чёрные и красные чешуйки замерцали, в то время как ящерица вытянулась в длину, хвост опустился, а глаза раскрылись.

– Ты – вовсе не безвкусица, – улыбнулась я, как всегда восхищённая её красотой.

Когда я впервые увидела дверь моего сна, ящерица была ещё из латуни и гораздо меньше, чем сейчас. Она весело подмигивала, но не шевелилась. Сейчас же ящерица ползала вверх-вниз по двери и пыталась изобразить удобную дверную ручку, как мне хотелось. Её глаза светились бирюзой и смотрели дружелюбно – в отличие от глаз её сестры на другой стороне двери. Я всё пыталась найти для неё подходящее слово, мистическое, звучное и при этом доверительное. В конце концов, она была создана моим подсознанием, значит, была частью меня самой. Как и её острозубый двойник с другой стороны двери.

– Слишком пестро, – возразила Рыся. – И совсем не реалистично. Пропорции передней и задней части не совпадают.

Я погрозила из своего сна Рысе. Было не очень приятно, что она так часто появляется у нас в настоящем доме, причём явно предпочитает дни, когда Эрнест находится в деловой поездке, а мама свободна от уроков. Нам с Мией это казалось издёвкой, но мама и Лотти с их твёрдой уверенностью, что человек от природы добр, считали, что бедная старушка просто хочет участвовать в жизни семьи и быть полезной.

Ну да. А Земля была диском.

Я осторожно потрогала кончиком пальца чешуйки ящерицы. К моей радости, она замурлыкала, как наш кот Спот. Фантастически, но по-своему восхитительно.

– Назови её Лиз, – предложила Мия.

Она, Лотти и мама стояли рядом со мной, любуясь ящерицей. Флоранс с Рысей просто исчезли.

– По-моему, Лиззи звучит неплохо.

– Нет, это слишком... прозаично, – сказала Лотти. – Может, Саламандрия. Или Никс, как богиня ночи.

– Больше бы подошло Барселона.

Мама увидела наши неуверенные взгляды и добавила:

– Знаете, в честь знаменитой ящерицы Гауди⁹, который... Ах, забудьте ваши культурные банальности.

Как часто бывало во сне, я вздрагивала, когда подсознание выискивало в глубине моего мозга информацию, о какой я и не подозревала. Прямо завтра утром я введу слова «Гауди» и «Барселона» в свою поисковую программу. И надеюсь не найду там ящерицу.

Кто-то постучался в дверь с той стороны.

⁹ *Антонио Гауди* – знаменитый испанский архитектор и скульптор (1852–1926); в его работах использовались мотивы живой природы.

Ящерица ловко скаталась в дверную ручку, в то время как её двойник с другой стороны сунул голову в прорезь для писем и прошипел:

– Это Генри.

– Что-то новенькое для дверного шпионажа, – сказала мама.

– Считаю, это Мата Хари¹⁰, – сострила Логги.

Я наклонилась и спросила в прорезь для писем:

– А чем сегодня пахло в комнате Грейсона?

– Бутылкой «Ветивера¹¹», которую Грейсон уронил. Его ковёр теперь вечно будет этим запахом напоминать о его дедушке, – отвечал Генри с другой стороны. – Готов спорить, этой ночью ему дедушка снился.

Я открыла дверь. Генри ухмылялся, держась рукой за притолоку.

– Привет, сырная девочка! Могу я войти?

– Не знаю. Среди ночи... – Я изображала шутливость. – Моя мама не разрешила бы.

– Вздор! – сказала мама за моей спиной.

Генри просунул голову в кухню.

– Ах, уютный семейный сон! И как аппетитно пахнет... Свежей выпечкой... корицей...

Твои сны последнее время невероятно ароматны.

Ещё невероятней, что он может ощущать запахи, которые мне снятся. Всё было так необычно, что не стоило долго в этом разбираться. Каждый раз, когда я так делала, меня охватывал страх – страх перед тем, что в конечном счёте для этих снов не существовало научного объяснения. Что, с другой стороны, должно было означать...

– А это что такое? – прервал Генри мои размышления.

Под кухонным столом вдруг появился довольно упитанный чау-чау и оглядывался на нас. Самый настоящий Расмус.

– Он всегда так смотрит, когда хочет угощения, – сказала Мия со злорадным смешком. – Это же маленький Ра...

– У-уй... – Генри потёр руки.

Я вытолкала его в коридор, выскользнула вслед за ним и закрыла за нами дверь – Мия не успела и слова проговорить. Во сне я умела двигаться быстрее супермена, если такое можно представить.

– Маленький разбойник! Давай сделаем контрольный круг. – Я повисла на Генри. – Мы могли бы, например, посмотреть, прав ли Грейсон и действительно ли к нему никто не может прорваться.

– Но там внутри было так уютно. – Генри с сожалением посмотрел на мою дверь. – А тут снаружи, наверно, безобразничают всякие шпионы и психопаты.

Ну да, или ещё демоны. Уверенности ни в чём быть не могло. Коридор с дверями разного цвета и мягким освещением мог казаться приятным и мирным, но это было не так. В тишине что-то таилось, и нельзя было понять, откуда идёт свет, – не было ни окон, ни ламп, да и самого потолка, с которого могли бы свисать лампы, не было. В нескольких метрах над стенами начиналась рассеянная пустота, больше всего напоминавшая светло-серое небо, которое иногда нависает над Лондоном. Множество разветвлённых проходов казались бесконечными и терялись где-то в тени. Но я всё равно любила это место, мне нравилось представлять, что за каждой дверью кто-то видит свои сны, что все люди в мире связаны этим лабиринтом. Это было магическое место, опасное и таинственное, – сочетание, против которого невозможно было устоять.

¹⁰ *Máta Hári* (1876–1917) – танцовщица, знаменита своей шпионской деятельностью во время Первой мировой войны.

¹¹ «*Ветивёр*» – мужской парфюм, в состав которого входит эфирное масло ветивера – травянистого растения с глубоким запахом земли, леса, с примесью дыма.

Я прижалась тесней к Генри и глубоко вдохнула:

– Приятных снов нам хватит до конца жизни, сколько нам захочется. Если мы спасём мир от Артура.

Генри немного отстранился, чтобы можно было меня обнять.

– Вот за что я тебя люблю, Лив Зильбер, – шепнул он мне в ухо. – За то, что ты всегда хочешь приключений.

Я его любила за это же. Не тратя пустых слов, мы превратились в ягуаров и помчались рядом. В другом облике я чувствовала бы себя не так уверенно, но, став ягуаром, я так хорошо владела собой, что не надо было приспособливаться. Не то что в таких трудных формах, как летающие насекомые, неподвижные предметы или совсем уж особенные, вроде ветра. Ягуаром я могла оставаться часами. Бывало, проснувшись после такого интенсивного сна в облике ягуара, я продолжала оставаться в этой роли настолько, что приходилось подавлять в себе желание облизывать лапы. Однажды я даже зарычала на Флоранс, когда она не давала мне в кухне пройти к кофеварке.

Что касается Флоранс... Элегантная, цвета зелёного тростника дверь, которая сегодня располагалась рядом с дверью Грейсона, была, конечно, её дверью. Блестящие серебряные буквы ФЦЭС на ней могли означать только: Флоранс Цецилия Элизабет Спенсер. Ничего другого.

По какому принципу располагались двери и почему они время от времени менялись местами, этого мы разгадать не могли. Во всяком случае, двери людей, в чём-то близких друг другу, в положительном или отрицательном смысле, никогда не располагались слишком далеко одна от другой. Принадлежность многих дверей можно было определить по внешнему виду. Например, дверь Грейсона была точной копией двери в нашем доме. Или дверь мамы, на которой даже была табличка: «Мэтью. Антиквариат лунного света. Открыто с полуночи до рассвета». Другие можно было определить не так однозначно, но я была уверена, что скромная серая дверь рядом с маминым «Антиквариатом лунного света» принадлежит Эрнесту. Даже если мамина дверь меняла расположение, эта серая дверь оказывалась на той же стороне. И покрытая красным блестящим лаком дверь с роскошным золотым молотком, совершенно соответствующая характеру Персефоны, становилась всё ближе к моей, когда мы целые дни проводили вместе.

Не то чтобы я испытывала потребность заглянуть за какую-то дверь, но мне всё-таки спокойнее было знать, с кем соседствует моя дверь. Когда с кем-то сталкиваешься в коридоре так часто, как я с Генри, кажутся, по крайней мере, знакомыми двери вокруг наших – даже если они меняют внешний вид и место.

Полдня я мучилась вопросом: как, чёрт побери, Артур мог определить дверь миссис Лоуренс? Здесь было много дверей, которые подошли бы ей, но не было несомненного знака, ну... не знаю... Может, выгравированной Эйфелевой башни или приглашающего коврика «Добро пожаловать» на французском. Или хотя бы дверной ручки от Шанель. Но Артур нашёл, наверно, практичный способ. Он заполучил какую-то из личных вещей миссис Лоуренс и с её помощью проверял любую заинтересовавшую его дверь, пока не заставлял одну открыться. Это, конечно, требовало времени, но показывало, как решительно он преследовал свои мрачные цели. А поскольку подсознание миссис Лоуренс не могло выстроить никаких непреодолимых препятствий, Артуру было нетрудно переступить её порог. И там уже делать что захочет.

Я почувствовала, как от этих мыслей шерсть на затылке встаёт дыбом. И не только поэтому: мы с Генри повернули и оказались в проходе, где находились двери и Артура, и Анабель.

На случай, если Артур сейчас наблюдал за нами, надо было действовать особенно спокойно и уверенно, всё равно в каком облике. Он не должен был думать, что мы его боимся. Так что я бросила лишь короткий, как можно более презрительный ягуарий взгляд на слова сагре

postem¹², укрепленные на гладкой металлической поверхности его двери, и стала поворачивать голову, изучая окрестности. Вот скромный серебряный звонок на двери напротив – это было что-то новое. И пока я смотрела на него изучающе, он соскользнул вниз, растаял и стал стекать блестящим серебряным потоком по стене на землю, где обрёл новую форму. Он вытянулся в высоту и превратился в девушку с длинными волнистыми волосами, явно похожую на Венеру Боттичелли¹³, только намного-намного красивей, и нагота её скрывалась под одеждой – она была в джинсах и футболке. Анабель Скотт, прекраснейшая психопатка в истории.

– Смотри, смотри, патрульная киса! – Располагающая улыбка Анабель перестала на меня действовать после того, как она попыталась перерезать мне горло.

Про Генри сказать так было нельзя. Он принял свой прежний вид и улыбался так же располагающе.

– Как славно, Анабель, тебя видеть! Это что, твоя дверь? Как раз напротив твоего бывшего друга? Можно по-настоящему туда заглянуть? Или ты в виде колокольчика бродишь здесь, чтобы за ним шпионить?

– Тебе хотелось бы знать, какая дверь тут моя? Тогда бы ты мог шпионить за мной. – Анабель коротко засмеялась, потом, вздохнув, добавила, – только шпионить стало совсем непросто, с тех пор как все научились становиться невидимыми... Я бы не хотела, чтобы Артур так многому научился.

Даже одной *гениальной* психопатки было здесь вполне достаточно. А Анабель была гениальной, с этим нельзя не считаться. Она как-то сумела заманить в эти коридоры своего психиатра, и пока он, как ребёнок, которого оставили одного в магазине игрушек, удовлетворял там свои величественные фантазии, веря при этом, что всё подчиняется его воле, Анабель нашла способ задержать его в своём собственном сне. После того, замечу, как он подписал бумаги о её выписке. Теперь доктор Андерсон, или Сенатор Смерть, лежал с желудочным зондом где-нибудь в графстве Суррей в доме престарелых и... спал. И врачи затруднялись с окончательным диагнозом о его состоянии. Анабель уверяла нас, что у него всё блестяще, потому что он просто продолжает видеть свою жизнь во сне и не отличает её от настоящей. И хотя Сенатор Смерть не вызывал у меня никаких симпатий, мысль о нём всякий раз вызывала у меня жалость. Я не имела никакого представления о том, как Анабель удалось заключить этого человека в свой сон, но, возможно, его удалось бы освободить, если открыть дверь снаружи. Для этого её нужно было попросту обнаружить, но, к сожалению, только Анабель знала, где та находится. Она была права: способность становиться невидимыми сильно затрудняла шпионаж.

Я тихо зарычала.

– Боюсь, Артур умеет делать вещи, на которые ты не способна, – сказал Генри.

Про то, что мы знали, где находится дверь Анабель, он умалчивал. Раньше она действительно находилась напротив двери Артура, но приметный двухстворчатый готический портал с золотой фурнитурой бесследно исчез после катастрофы, случившейся с Анабель прошлой осенью. А это означало, что дверь должна была совершенно измениться, потому что Анабель продолжала усердно сновать по коридору. Неделями мы продолжали искать её дверь даже в самых отдалённых проходах, но лишь несколько дней назад Генри обнаружил её благодаря чутью сыщика и хитроумным, как он уверял, способам слежки. Поздней он, впрочем, признался, что помогла чистая случайность и удача, потому что он невидимым бродил по коридору, когда открылась сияющая розовая дверь с огромным изображением героини «Хэлло Китти»¹⁴ и Анабель осторожно вышла из неё в коридор.

¹² «Используй ночь, лови ночь» (*лат.*), по аналогии с классическим *carpe diem* (Гораций) – «лови день».

¹³ *Сандро Боттичелли* (1445–1510) – итальянский художник тосканской школы. «Рождение Венеры» – самая знаменитая его картина.

¹⁴ «*Хэлло Китти*» – известный детский мультсериал режиссёра Мэтью Свенсона.

В самом деле, очень трудно, почти невозможно, стать ветерком или чем-то другим невидимым и делать простые вещи, например, нажать ручку двери, и мне было спокойней знать, что Анабель должна бороться с такими же трудностями.

Спустя мгновение она снова стала невидимой, но этого мгновения Генри оказалось достаточно. Он подождал, пока она вернётся, чтобы убедиться: это не дверь кого-то другого, кого Анабель посетила во сне. Мы, конечно, уже сотню раз видели дверь с героиней «Хэлло Кити», она была безвкусно широка, и никто не предположил бы, что за ней скрывается Анабель. Надо сказать, что её маскировка была совершенной, согласно лозунгу: бросаться в глаза значит быть вне подозрений. Впрочем, для меня оставалось загадкой, как ей это удалось, я ведь считала, что никто не может влиять на вид своей двери. Она сама, без нашего участия, подстраивается под душевное состояние своего владельца. Но, возможно, Анабель придумала что-то особенное – уже не в первый раз она демонстрировала умение, о котором мы не имели ни малейшего представления. Сейчас, например, могло показаться, что она даже способна прочесть мысли Генри.

– Ты имеешь в виду историю с миссис Лоуренс? Я читала в блоге Леди Тайны о её катастрофе. – Взгляд Анабель скользнул по проходу вверх-вниз. – В прошлые ночи Артур не раз посещал её сны, поэтому я сразу догадалась, что это его работа. Только спрашивала себя, что он там искал, – французский ему был не нужен...

– Мы думаем, что он нашёл её случайно, ему просто нужно было испытать на ком-то свой новый метод, когда погружаешь человека в гипнотический сон, а потом делаешь с ним что захочешь.

Анабель прикусила нижнюю губу.

– Но зачем было нужно, чтобы миссис Лоуренс забралась в школьной столовой на стол и раскрыла свои отношения с мистером Ванхагеном?

Это был хороший вопрос. Я посмотрела на Генри глазами ягуара.

Генри пожал плечами.

– Да просто так. Чтобы доказать, что он может разрушить чью-то жизнь. – Он немного помолчал, задумавшись. – Потому что он это может.

– Да, да, наверно, – пробормотала Анабель, и её глаза блеснули. – Это похоже на Артура. Во всяком случае, на такого Артура, каким он стал.

Что у Артура могут быть моральные проблемы и что-то похожее на совесть, мне было трудно представить, но Генри и Грейсон уверяли меня, что их лучший когда-то друг был действительно славным парнем. До того как он до смерти влюбился в Анабель и убедился, что им манипулируют – используют в своих целях. Сочувствовать ему я не могла. До чего можно дойти, если каждый, пережив разочарование, будет автоматически превращаться в преступника? Тут мне понятней была Анабель. Она, в конце концов, родилась отъявленной психопаткой. Раннее детство, проведённое с психически больной матерью в секте, где поклонялись демонам и совершали странные ритуалы, сделали из неё монстра, который хотел перерезать мне горло. А теперь этот монстр создал другого монстра – ещё более злобного и опасного, чем сама Анабель.

Было ясно, что всё очень рискованно и никому из нас не могло понравиться, но в отношениях с Артуром Анабель нам была нужна как союзница. Хуже того, если выступить против него без её помощи, она в конечном счёте снова окажется его сообщницей. Этому надо было помешать любой ценой.

Генри откашлялся.

– Никто не знает, как поступит Артур, но при таких способностях от него можно ждать чего угодно. Будет что-то похожее на то, как ты поступила с Сенатором Смерть, после того как он тебя выписал. Скажи: как ты это сделала, Анабель?

– Чтобы вы могли вмешаться? – Анабель снисходительно усмехнулась. – Представляю себе, как ты попытаешься это сделать, Генри Гарпер. Нет уж, спасибо! Достаточно того, что моим планам может помешать Артур.

– А что это за планы? – спросил, глубоко вздохнув, Генри.

– Вы же их давно знаете.

Освещение вдруг изменилось. Словно что-то загородило невидимый источник света. Анабель взмахнула рукой.

– Вы знаете, кого мы обязаны за всё это благодарить и что мы ему всё ещё должны.

Стало заметно прохладней. Хорошо, что я всё ещё оставалась ягуаром: можно было неподвижно смотреть на Анабель, не выдавая своей неприязни.

– А история с демоном дело прошлое? – мягко спросил Генри. – Думаю, ты в клинике поняла, что это всего лишь часть твоей... болезни.

– Да, – сказала Анабель. – Во всяком случае, мне это пытались внушить. Я, наверно, была ненормальная, но не дурочка. Я всё же считалась с возможностью, что... что Повелитель Тени и Мрака существует лишь в моём болезненном воображении. Но если он существует на самом деле? Вы не предпочли бы сделать надёжную ставку?

Нет, такого выбора мы не хотели бы. С нас хватало других проблем.

– Ты ещё принимаешь свои таблетки? – спросил, наморщив лоб, Генри.

– Как всегда, прямой вопрос. – Анабель опять усмехнулась. – На самом деле я от них отказалась. Просто хотелось знать, что происходит. И действительно ли происходит. Тогда можно расслабиться. – Она вдруг как будто заспешила. Движением руки откинула назад волосы. – Была, как всегда, рада вас видеть.

И ушла, не дожидаясь от нас слов прощания, а шага через три её очертания стали прозрачнее, и через несколько метров она исчезла совсем. Холод ушёл вместе с ней.

Глава четвёртая

– Он действительно сказал «Перпетуя»? – спросила я уже автоматически, наверное в сотый раз за день. – Можно ведь было ослышаться. И ты же знаешь Джаспера. Меня он всегда называет Лиз.

– С тобой другое дело.

Губа Персефоны опять подозрительно стала подрагивать, и я поспешила подтолкнуть её к выходу из школьного коридора.

После того как Джаспер сегодня утром сказал Персефоне лишь короткое: «Привет, Перпетуя!», её мир совсем пошатнулся. Она уже давно мечтала о Джаспере, но лишь после его пребывания во Франции она – неизвестно почему – до смерти в него влюбилась. А ведь сам Джаспер тем временем совершенно забыл о существовании Персефоны, по крайней мере, если не так предвзято, более реалистически, интерпретировать это его «Привет, Перпетуя!». Чего я, разумеется, не делала, потому что Персефона и так была повержена и последнее, в чём она нуждалась, это в реализме. На переменах она израсходовала две упаковки носовых платков да вдобавок ещё перепачкала мой блейзер (причём мы заметили, что тушь на её ресницах не была устойчива к влаге), и не надо мне было связывать болезнь с путаницей имён винить за это Джаспера. Моя латынь понемногу забывалась.

Между тем занятия в школе продолжались, была пятница, сияло солнце, неделя кончалась. Уже несколько часов я ничего так не хотела, как спокойно побыть в своей комнате, чтобы, отвлекшись от бедствий Персефоны, наконец ухватить несколько действительно ясных, насущных мыслей. Если повезёт, я успею перед занятиями кунг-фу насладиться успокаивающим послеполуденным сном – мне надо отоспаться. Мысли могут проясниться, лишь если я буду не такой усталой.

После того как я и Генри встретились во сне с Анабель, прошли ещё две ночи, когда мы довольно беспорядочно слонялись по коридорам, наблюдая за нужными нам дверями, высматривая то Анабель, то Артура в надежде узнать что-то новое. Напрасно. Царила абсолютная тишина. Боюсь, Генри эта тишина успокаивала. Настолько успокаивала, что вчера ночью он среди коридора даже заговорил о Расмусе. Наверно, он нашёл в Фейсбуке некоего Расмуса Вэйкфилда и хотел узнать, не «мой» ли это Расмус Вэйкфилд. На это, во всяком случае, я могла честно ответить «нет» и заверить его, что «мой» Расмус не был фанатом социальных медиа. А Генри в ответ спросил, какие у него были хобби.

– Он любил играть с мячиками, – сказала я уверенно.

И чтобы не продолжать разговор о моём придуманном южноафриканском приятеле, который на самом деле был собакой, я стала (не думая о том, что за нами может следить кто-то невидимый) целовать Генри – отвлекающий манёвр, который всегда срабатывал. Но на этот раз – пусть и спустя некоторое время, когда я забыла про всё: про Расмуса, про невидимых шпионов, про демонов, – Генри захотелось узнать, а как же целовался Расмус.

Просто с ума сойти! Я уже не могла отделаться от этого проклятого придуманного парня.

– Если бы я не знала тебя, я бы решила, что ты ревнуешь, – ответила я, вместо того чтобы сказать: «Он лизался длинным и очень мокрым языком».

Генри кивнул.

– А может, и ревную, – ответил он, недолго думая, и кончиками пальцев провёл по моей щеке. – Меня вообще-то интересует, кто научил тебя так здорово целоваться.

Ну да. Только не Расмус.

– А почему ты думаешь, что целоваться научил он меня, а не я его? – пробормотала я. – Может, у меня это врождённый талант?

Всё-таки я была плохая лгунья. Долго так продолжать нельзя: рано или поздно я должна сказать Генри правду. Только не знала, как это сделать, от смущения не провалившись под землю.

– Если бы только это... – Персефона неожиданно прервала мои мысли. – Джаспер и на меня по-настоящему не взгля...

– Что это там впереди?! – воскликнула я и показала на толчею, образовавшуюся у главного входа.

Спасти могла только попытка отвлечь внимание. И она сработала.

С лица Персефоны сошло скорбное выражение, она вскинула голову и с любопытством поспешила к школьникам, которые возбуждённо что-то обсуждали. Я направилась в ту же сторону немного медленней, и, когда я подошла, чтобы увидеть, вокруг чего все столпились, мне для этого пришлось подняться на цыпочки.

Хотя я не переставала думать о том, что случилось во вторник с миссис Лоуренс, мне так и не удалось увидеть Артура. Похоже, даже в школьной столовой мы каждый раз проходили мимо друг друга, и я бы не стала утверждать, что мне его не хватало. Но я продолжала ловить себя на том, что словно выжидала, не возникнет ли кто-то, готовый сделать что-то безумное и страшное. По словам Генри и Грейсона, с ними было точно так же, даже во время тренировок по баскетболу. И хотя до сих пор ничего не случилось, легче нам не становилось, наоборот, увеличивалась напряжённость. Кто станет следующей жертвой Артура? И что он ему сделает?

Моё поведение становилось немного параноидальным. Каждый вечер, по возможности мимоходом, я спрашивала у Мии, не пропало ли у неё что-нибудь, и лишь после того как она заверяла, что у неё всё на месте, могла спокойно лечь спать. Я размышляла о том, с каких пор предмет становится личной вещью. Считать ли таким только что купленный карандаш? Или чтобы придать ему личные свойства, надо ли его сначала погрызть? И надолго ли это подействует? Не станет ли предмет ничьим и не утратит ли свои качества? Последний раз это было с варежкой, которую, возможно, использовал Артур, чтобы войти в сны Мии, и я предпочла бы умереть, чем ещё раз такое пережить. Поэтому мне было не важно, что постепенно Мия стала относиться к моим вопросам с подозрением. Лучше всего было бы сказать всем: пусть они пристальней наблюдают за своими вещами, особенно если поблизости Артур.

Но этого делать было, конечно, нельзя. И всё равно, наверно, заранее позаботился обо всём, что ему нужно. Я представляла себе, как он складывает добычу у себя в комнате, разумеется, снабжая предметы именными табличками, и каждый вечер обдумывает, чей сон посетит он сегодня. И чтобы его самого никто не застиг врасплох, когда он спит, он, конечно, избавился от секретного тайника для ключей, с помощью которого в январе Грейсон сумел проникнуть к нему и забрать варежку Мии, продвигаясь ползком, как с детства умеют все мальчишки, а недавно и огородился забором, как обнаружил Грейсон. Сон Артура, как и его добыча, были недоступны. В доме его родителей появлялось множество влиятельных и знаменитых людей – музыканты, политики, промышленники, и невозможно вообразить, чего только Артур у них не набрался.

Сейчас же его интересовали не знаменитости, а главный объект ненависти для «Академии Джабс» – конкретно Теодор Эллис.

Неприязнь Тео Эллис вызывал не потому, что он был слабый интриган, карьерист или толстый скверный драчун, нет, а потому, что он был баскетболист экстра-класса, огромный талант, добытатель очков, богатство любой команды. Вдобавок он был любезен, умен и красив. Проблема состояла в том, что выступал Тео Эллис не за «Академию Джабс», а за «Высшую школу Рослин». Другими словами, он играл не за ту команду. Этого было достаточно, чтобы его ненавидеть.

По собственной воле Тео наверняка не перешёл бы на сторону противника, но его беда оказалась в том, что он выбрал в качестве предмета еврейский язык, а «Академия Джабс» и «Высшая школа Рослин» из-за малого количества учеников объединились. Здесь, у нас.

Когда он в пятницу приходил на занятия, его в школе и в коридоре встречали криками «бу!», и это было ещё самое безобидное. Футболка с надписью «Тео, не хочу от тебя ребёнка» (в цветах нашей школьной формы) сразу стала популярной, и, если верить слухам, наша преподавательница еврейского миссис Рицель задавала тест и особые домашние задания, лишь когда скоро предстояла важная игра. Миссис Рицель была горячей болельщицей «Флэмел».

В последние недели ситуация ещё больше обострилась, если это вообще возможно. Можно было подумать, что команда Тео стала чемпионом, а «Флэмел» застряла на четвёртом месте. Известно, что болельщики переживают поражение хуже самой команды, так что в интернете даже прошёл форум «Мы ненавидим Тео Эллиса», где премию получили специально сочинённые песни: «Вонючка Тео жрёт свой део» или «Теодор Эллис, капитан, обделался».

Тео, конечно, жалел, что выбрал не испанский язык, но я не могла не восхищаться, видя, как он каждую пятницу гордо шагает по нашему коридору, со стоическим спокойствием вынося откровенную враждебность присутствующих.

Как сегодня.

Если ему было не по себе, он, во всяком случае, не показывал виду. Широко расставив ноги и скрестив на груди руки, он стоял перед Артуром, напоминая платяной шкаф из массивного дуба. Тренированный Артур при росте метр восемьдесят пять по сравнению с ним казался щуплым. Но это не мешало ему задевать Тео. Не так прямо и примитивно, как болельщики «Академии Джабс», но в своём, Артуровом стиле – гораздо подлей.

– Не беда, что свою контрольную ты провалишь, – сказал он мягко. – Твоя мать надеется, что хоть кто-то в семье чего-то достигнет. Твоего брата, я слышал, должны условно-досрочно освободить.

Публика слегка зашумела. Я обнаружила среди других голов каштановые волосы Эмили и удивилась. Она никогда не проявляла интереса к баскетболу. Тем не менее она с интересом вслушивалась в разговор. Рядом с ней стоял Сэм-Стыдись и снимал происходящее на свой мобильник.

– Всё-то ты слышишь, ангелочек сусальный, – сказал Тео, и Персефона, оказавшаяся рядом со мной, громко вздохнула. – Наверно, свои локоны ты завивал у парикмахера.

Артур ответил снисходительной усмешкой:

– Плохо, наверно, ощущать на себе такое давление и быть единственным, кто в семье умеет читать и писать. Невелика радость закончить жизнь, как твой предок, чистильщиком мостовых. – Он принялся к Тео. – Хорошим чистильщикам всегда найдётся работа.

Кто-то в группе слушателей хихикнул, кто-то из младшей группы тихо стал скандировать: «Тео, Тео, найди свой део!»

Тео вздохнул, словно сучая:

– Я, конечно, знал, что ты, ангелок из сусального золота, всегда был снобистской задницей, но раньше всё-таки не таким. До того как твоя команда не захотела избрать тебя капитаном. Почему, интересно, она так сделала?

Ха, здорово сказано! Тео мне начинал нравиться.

Артур попробовал снова снисходительно усмехнуться, но было видно, как он зол. Тео умело попал в его больное место. Теперь никто больше не хихикал, все напряжённо ждали, что ответит Артур. Причину явного разлада между Артуром и когда-то лучшими его друзьями, Грейсоном, Джаспером и Генри, не знал никто, кроме нас. Даже Леди Тайна могла предложить лишь смутные догадки.

Пока Артур подыскивал слова, Тео взял на плечо свою сумку.

– Да нельзя же нравиться всем, не переживай так, зато у тебя богатые родители. А мне надо идти. – Он начал прокладывать себе дорогу через толпу школьников. – На тренировку со своей командой. Которая, кстати, на прошлой неделе переизбрала меня капитаном, без единого голоса против.

И небрежным прогулочным шагом он исчез за стеклянной дверью, а я не могла удержаться от злорадной усмешки. Потому что не только мне – всем тут было ясно, что победа осталась за Тео Эллисом. А не за кудрявеньким.

– Знаешь, в Тео есть что-то сексуальное, – сказала я девочке, стоявшей рядом со мной и Персефой. Той, у которой на футболке было написано: «Тео Эллис, я не хочу ребёнка от тебя».

– Да, мне тоже так кажется. Но я всё-таки его ненавижу.

Группа зевак разошлась с недовольным бормотанием, а я хотела потянуть Персефону дальше, когда встретила глазами с Артуром. Хотя его взгляд лишь скользнул по мне, в нём было столько холода, что я спонтанно попробовала опять стать ягуаром.

– Этот глупый Тео просто завидует. Причёска у Артура что надо! – сказала мечтательно Персефона, провожая Артура взглядом. – Представляешь, как это непросто: природные кудри причесать так, чтобы они выглядели по-мужски круто?

Я тронула рукой то место на затылке, где ягуару можно потрепать шерсть, и покачала головой. Случай Персефоны был безнадёжным.

– Пошли, а то опоздаем на автобус. – Я потянула её к двери.

К сожалению, нам пришлось пройти мимо Эмили. Меня она, как всегда, игнорировала, но Персефону приветствовала с преувеличенным дружелюбием, стараясь, наверно, чтобы я сильней почувствовала, насколько меня игнорируют. В другой раз и Персефона почувствовала бы себя польщённой, но Эмили допустила серьёзную тактическую ошибку.

– У тебя, что ли, аллергия, бедняжка? – поинтересовалась она сочувственно. – Ты выглядишь просто измученной. Хочешь, я порекомендую тебе лекарство, которое помогло моему брату?

– Нет, спасибо. – Персефона обиженно вскинула голову и откинула назад волосы. – Я что, действительно выгляжу замученной? – спросила она меня, когда мы пошли дальше.

– Да нет, всё в порядке.

По сравнению с тем обилием слёз, которые она пролила сегодня с утра.

Я боялась, не начнёт ли Персефона опять нудеть про Джаспера, но мысли её всё ещё были заняты Артуром.

– Артура мне всё-таки жаль, – сказала она, когда мы подошли к автобусной остановке. – Без друзей он выглядит как-то... не знаю. Генри, Грейсон, Джаспер и он были как четыре мушкетёра... Странно, что они разошлись. – Она взглянула на меня испытующе: – Я всё-таки думаю, что дело тут в Анабель. Осенью случилось что-то, чего они ему не могут простить. И ведь ты знаешь *что*, только не хочешь говорить.

Тут она была, в общем, права.

– Понимаешь, Персефона, самые близкие друзья расходятся, если движутся в разных направлениях, – ответила я, сама чувствуя, что говорю прямо как Лотти, когда она произносит свои драгоценные педагогические истины. – Как точно заметил Тео Эллис, Артур – снобистская задница. А кто с таким захочет дружить?

– Я! – заявила Персефона не без усилия. И добавила не очень убеждённо: – Что ж, мы с тобой тоже ведь совершенно разные, но остались лучшими подругами.

– Это верно, – кивнула я, но не удержалась от смеха.

Вначале Персефона казалась мне ужасно поверхностной надоедой, да она, пожалуй, такой и была. Никогда не думала, что мы сможем так сблизиться. Мне без неё чего-то, в самом деле, не хватало бы.

Когда автобус остановился и с шипением открылись двери, я обняла Персефону и прижала к себе:

– Следи получше за своими вещами, слышишь? Особенно за мелочами, такими, как брелок для ключей, украшения, резинка для волос, перчатки...

– Ты с некоторых пор часто это повторяешь. Как будто я последняя растяпа. – Привычным движением Персефона отодвинула турникет и помогла нам подняться. – Или хуже того: как будто ты моя бабушка, всюду видевшая воров. Она даже мешок для мусора выставляла в последний момент, боялась, что кто-нибудь может его украсть до приезда мусорщиков.

Она села на свободное место и тут же заплакала. Не знаю почему, наверно, мусорный мешок каким-то образом напомнил ей о Джаспере.

– Перпетуя!.. – всхлипывала она. – Сказал бы хоть Афродита.

– Но всё-таки с той же начальной буквы... – вздохнула я.

Да что говорить: без Персефоны в моей жизни чего-то не хватало бы. И всё-таки я была рада, когда она вышла на своей остановке, рада, что мне до конца дня больше не придётся видеть её слёз.

Увы, увы, обрадовалась я слишком рано. Потому что, едва я собралась спокойно расслабиться, мама позвала меня и Мию на кухню для серьёзной беседы. Ни о каком покое думать было нельзя. Я ведь хотела только забраться в постель с Бертом, моим любимым плюшевым медвежонком, ещё с детского сада, и поплакаться в его мягкую, бурую, ароматную шерсть. Да вот беда, Берта у меня больше не было, – я давно вышла из возраста, когда играют с такими медвежатами, пришлось от него избавиться ещё в Утрехте. Оставалось поплакаться только в подушку, но это было совсем другое. Я хотела вернуть Берта. И вообще вернуться в тот возраст. Года в четыре.

Через несколько часов Грейсон ворвался в мою комнату. После школы он не пришёл домой, не было его и после ужина, что было крайне странно, потому что вообще-то Грейсон никогда не обходился без еды.

Он выглядел разгорячённым и даже не задержался, чтобы снять куртку. Я отодвинула заплаканную подушку и ошеломлённо уставилась на него, точнее, на то, что он протянул мне. Это был...

Да. Это было то самое. Грейсон действительно сунул мне под нос чёрный носок с таким видом, будто это была красная роза.

– Вот, – сказал он. – Пункт номер один из моего списка «*Что надо делать?*» выполнен. Посмотри хорошенько на это.

– На носок?

Не в манере Грейсона было так просто врываться. Он выглядел необычно возбуждённым. И что значил этот носок? Может, это какой-то неизвестный мне английский обычай? Или Рыся утатила у него второй носок и ему нужно возместить ущерб?

Я присмотрелась:

– Тьфу! Это...

– Конечно же! Прямо с его ноги, – сказал Грейсон.

Он чем-то напоминал мне Кнопку, когда та вместо палочки притаскивала громадную ветку и ожидала за это похвалы.

– Настоящий личный предмет. Возьми же!

Я поморщилась:

– Он пахнет сыром.

– Лив, это не обычный носок. – Моя тупость заставила Грейсона покачать головой. – Он принадлежит Сенатору Смерть. Он же доктор Отто Андерсен, психиатр Анабель. С ним можно открыть дверь в его сны. Ты уже знаешь: первая фаза.

Ах да! Первая фаза! Я совершенно забыла, что происходило сегодня после полудня.

Трёхфазовый план был придуман лично Грейсоном, он сформулировал его как раз после унижения миссис Лоуренс в столовой, план спасения мира от Артура. К сожалению, несмотря на впечатляющее название, в целом план был не очень убедительным. Попросту сказать, речь шла не о настоящем плане, а о чём-то вроде списка намерений. Фаза первая значила вот что: найти, по возможности полно, средства защиты и контроля, информацию, материалы, факты, идеи. Но вот вторая фаза оставалась пока расплывчатой. Там значилось лишь одно: разработать конкретный план, чтобы помешать Артуру делать то, что он всегда делает. Третью фазу Грейсон уже не смог зачитать (наверно, потому, что мы стали бы громко смеяться), но мы её себе представляли: планомерно покончить с Артуром.

И если бы мы знали *как*.

– Ты что, плакала? – Грейсон перестал тыкать в меня носком, сел на стул возле письменного стола и обиженно посмотрел на меня. – По правде сказать, я заслуживаю хоть какой-то благодарности. И похвалы. – Он скрестил на груди руки. – Не каждый поедет ради какого-то носка в Суррей.

Тут он совершенно прав. Достать личную вещь Сенатора Смерть – это была составная часть нашего плана, хотя мы толком не знали, как это сделать. Мы с Генри уже успели разузнать, в какую клинику его поместили. Это оказалось ужасно просто: раз-другой кликнуть мышкой в интернете, позвонить кое-куда, и всё ясно. Заведений для недееспособных, требующих ухода, для больных, впавших в кому, в окрестностях было немного. Что же касается защиты данных, с этим, к нашему счастью, обстояло не так строго.

– И ты без затруднений сумел попасть в клинику? – спросила я.

Грейсон закатил глаза:

– С этим не было никаких проблем. Я выдал себя за его племянника, но меня вообще ни о чём не спросили.

Казалось, он был немного разочарован, вероятно, он связывал дальнейший ход своего трёхфазового плана с проникновением в клинику.

– Бедный малый, – сказал он. – Лежит там и спит. Двадцать четыре часа в сутки, уже больше месяца. Ты знаешь, что желудочный зонд можно теперь вводить прямо через кожу живота, не нужно его заглатывать? Называют это эндоскопической гастрономией, рекомендуется для постоянных пациентов. Они, видно, не очень надеются на его пробуждение. – Он потёр нос. История его явно увлекла. – Я его, правда, совсем не знаю, но, даже если он не очень хороший человек и у Анабель есть причины так думать, подобной судьбы всё же никто не заслуживает. Как по-твоему?

Никто. Даже Артур. Генри тоже считал, что единственный возможный для нас способ остановить Артура, не убивая его, – это метод Анабель.

– Надо ему помочь. – Грейсон задумался, меланхолично глядя на носок Сенатора Смерть. – Медсестра мне рассказывала, что к нему каждый день приходит мать, чтобы его прилично одеть. На случай, если он проснётся. Бедная женщина – она, конечно, удивится, куда делся его второй носок.

Я прикусила губу. Грейсон прав: нам надо было по меньшей мере попытаться помочь Сенатору Смерть начать новую жизнь. Хотя бы ради его матери.

– А других его личных предметов у тебя нет? – поспешила спросить я, стараясь сморгнуть слёзы. – Каких-нибудь не таких неприятных.

Грейсон этого вопроса не ожидал. Наверно, было сколько угодно других личных вещей, но их ему не захотелось украсть.

– Не будь такой неблагодарной, Лив. Этот носок – идеальный выбор. Ты можешь просто надевать его каждую ночь и будешь в полной готовности на случай, если мы найдём нужную дверь. Или если сама Анабель захочет нам её показать. И вообще: что ты, именно ты, можешь сегодня вычеркнуть из списка необходимых дел?

Вот так. Я не хотела признаваться, что никакого такого списка у меня вообще нет и я не собиралась вносить свой вклад в трёхфазовый план спасения мира от Артура. День у меня вообще прошёл достаточно скверно, я только сейчас поняла, что Грейсон просто ничего об этом не знал.

– Забудь про свой список *«Что делать»*, – сказала я и с глубоким вздохом передвинулась на край кровати. – Произошло кое-что похуже.

Как же мне нужно было вернуть старого доброго Берта!

– Бабушка наконец договорилась с папой насчёт свадебных планов? – спросил Грейсон сочувственно. – Ты из-за этого плакала?

Ну да, ещё ведь свадебные планы! Рыся, наверно, лучше других разбиралась в этих вещах, и, если ей удастся, она превратит мамину небольшую спонтанную вечеринку в грандиозное мероприятие. Но об этом на нашем сегодняшнем кризисном совещании речи не шло. К сожалению.

Я покачала головой.

– Лотти сегодня объявила, что на свадьбе её не будет, – сказала я и чуть было опять не заплакала.

– О, действительно? – Грейсона это, похоже, задело. – Я думал, этот вопрос больше не обсуждается.

– Мне тоже так казалось, – сказала я.

Хотя на самом деле было не так. В глубине души я знала, что такой день когда-нибудь наступит. Мы с Мией давно стали слишком большими для детских ролей, а теперь, когда нашим воспитанием занималась не одна мама и у нас был настоящий дом, наша Мэри Поппинс должна была улететь от нас. Нельзя сказать, что мы этого не понимали. Мы просто не могли представить себе жизнь без Лотти. Она была лучшим, что у нас появилось в жизни. Никогда я не была в этом так уверена. Лотти хотела задержаться на год-другой, когда без малого тринадцать лет назад она собиралась позаниматься в Мюнхене, и если бы вместо этого не отправилась с нами вокруг света, была бы сейчас учительницей начальной школы. Наверно, вышла бы замуж и сама имела детей. Но вот дожила до двадцати трёх лет и даже не получила образования.

– Как же она... э-э... я хочу сказать... чем она... а? – Грейсон, похоже, не знал, как тактично сформулировать свой вопрос, но я тем не менее его поняла.

– Один из её кузенов предложил ей работу в своём отеле в Оберсдорфе, – ответила я. – До первого июля.

Грейсон казался действительно шокированным.

– В Германии? А как с дядюшкой Чарльзом? Я думал, у них с Лотти серьёзные отношения.

Я пожала плечами.

– Нет, боюсь, ничего у них с этим не получилось. Твой дядюшка такой... нерешительный. Влюбленность Лотти тоже мне кажется не такой уж пылкой. Она уже не путает буквы, когда в комнате появляется Чарльз.

– Надо что-то делать, – решительно сказал Грейсон. – Если Лотти с Чарльзом окажутся парой, ей придётся остаться в Лондоне. А для Чарльза это в любом случае самое лучшее.

– Занеси это в свой список *«Что делать»*, – сказала я, постаравшись, чтобы слова мои звучали шутливо и он не заметил, как я расстроена.

И как мне хотелось его обнять за то, что он заботится о Лотти. А может, и обо мне с Мией.

– Буду считать это заданием, которое надо выполнить! – ухмыльнулся Грейсон. – Вот увидишь, я не только отчаянный похититель носков, я ещё и мастер устраивать бракосочетания.

Я усмехнулась и вдруг почувствовала себя намного уверенней. Пусть у нас нет плана, но мы были с друзьями. А Артур действовал один.

Вопрос состоял лишь в том, сколько у нас оставалось времени, чтобы обзавестись всем необходимым. Меня это заставило вновь задуматься о личных предметах. Ведь есть вещи, которые их обладатель выбрасывает? И долго ли, например, обычный чёрный носок сохраняет его личные свойства?

Грейсон не знал на это ответа.

– На какой-то срок в любом случае, – размышляла я вслух. – Футболка, которой ты пренебрёг, а я использую в качестве ночного белья, функционирует наверняка дольше.

Грейсон глубоко вздохнул.

– Во-первых, я этими футболками не пренебрегал, ты их просто достаёшь из ящика с чистым бельём...

– Да, но лишь после того, как ты неделю их не меняешь.

– А во-вторых, я хотел бы тебя попросить не вмешиваться больше в мои сны.

– Считаю это просто тестом. – Я не обратила внимания, как он наморщил лоб. – Ты же знаешь, фаза номер один – проверка безопасности. Я просто проверяю, откроется ли дверь, если я захочу войти. Но, конечно, этого не делаю. Хотя могла бы.

– Исключено, – категорически сказал Грейсон.

– К сожалению, нет. – Я заметила, что, несмотря на мысль о катастрофе Лотти, на моём лице появилась широкая улыбка. – Тебе надо ещё больше усилить меры безопасности, Грейсон. Артуру наверняка не так уж сложно ответить на вопросы Фредди. Если бы я могла...

Грейсон недоверчиво засмеялся:

– Ах, ты уже знаешь, что дело не в этом, Лив. С каких пор ты научилась гениально считать в уме?

– Это действительно нетрудно. На самом деле мне понадобилось три ночи, чтобы вообще понять простенькую задачу и внести её в карманный калькулятор.

– Что получится, если извлечь корень из шестидесяти трёх тысяч одного и помножить на сто восемьдесят шесть? – сказала я, стараясь подражать плаксивому голосу Фредди. – А полученное вычесть из трёхсот тысяч пятидесяти трёх, из результата ещё раз извлечь корень из шестидесяти трёх тысяч одного, потом всё перевернуть?

– Чтобы запомнить это наизусть, надо это действительно часто слышать, – насмешливо сказал Грейсон, все ещё уверенный в себе.

– Тридцать восемь тысяч триста семнадцать, – сказала я.

– Подсчитала правильно, только ответ неверный, – ответил Грейсон злорадно и в то же время с облегчением. – Математика – ещё не всё.

– Я знаю. Но если тридцать восемь тысяч триста семнадцать перевернуть, в результате получаешь – *LIEBE*¹⁵!

Наверно, я сейчас выглядела, как Кнопка, ожидающая похвалы. Но я ведь всегда гордилась, что после всех мучительных подсчётов так быстро понимала, что «перевернуть» результат означало всего лишь перевернуть карманный калькулятор и читать результат на дисплее вверх ногами. Семёрка тогда становилась буквой L, единица – I, тройка – E и так далее. Трюк, известный любому школьнику.

– Очень, по-моему, романтичный пароль!

Я, впрочем, ещё не проверяла, на самом ли деле он срабатывает. Когда я, скажем, стояла перед дверью Грейсона и Фредди выжидательно смотрел на меня, мне вдруг легкомысленно пришло на ум, что слишком опасно называть пароль в этом коридоре, где никогда не знаешь, действительно ли ты одна. Даже если бы я прошептала его в ухо Фредди, кто-то мог это под-

¹⁵ Имеется в виду, что вместе получается немецкое слово Liebe – «любовь».

слушать и использовать, – кто-то, кто умел становиться невидимым, но которому до сих пор, наверно, не приходило на ум просто перевернуть калькулятор.

– Чепуха, – сказал Грейсон тихо, из чего я могла сделать вывод, что *любовь* был правильный ответ. – Значит, этой ночью мне придётся опять придумать что-нибудь другое. – Морщины у него на лбу расправились, и он засмеялся. – Хотя я уверен, что Артур не так хитёр, как ты.

– Верно. Ведь то, что он считает хитростью, больше похоже на злобность.

Я вспомнила сцену с Тео Эллисом в школьном фойе, но как только захотела рассказать об этом Грейсону, мне что-то пришло на ум, и я поднялась, чтобы пошарить в своей сумке.

– Вот. Это тебе. От Генри. Наденешь сегодня ночью.

Грейсон уставился на то, что я перед ним держала, озадаченный примерно так же, как я недавно при виде носка.

– Очки с одним стеклом? Зачем? Чьё это?

– Мне он не сказал, но я могу догадаться... – Я подняла перед собой галстук с лиловыми цветами, который Генри приготовил для меня, и понюхала его. – Пахнет женщиной, 1950 года рождения, предпочитающей блюда из капусты и лавандовые духи. Вполне достаточно, чтобы этой штукой связать мне ноги – на своей шее я бы её не стала терпеть.

Грейсон повертел очки в руках и встал.

– Ну прекрасно... Опять не удастся отдохнуть ночью. – Он, зевая, направился к двери. – Но одно я тебе скажу: голодным я в постель не лягу. Скажи, не осталось ли чего-нибудь от ужина?

Я кивнула:

– В холодильнике. И твоя порция фрикаделек, которые Лотти припрятала от Мии, на террасе. В зелёной миске на подоконнике.

Лицо Грейсона тотчас засияло.

– Я обожаю Лотти! Не могу в самом деле представить себе, как бы жил без неё и её фрикаделек. – Прежде чем закрыть дверь, он усмехнулся ещё раз. – Так что до скорого. В этом проклятом коридоре.

Глава пятая

– Нам сюда. – Генри положил руку на бронзовую, тяжёлую на вид дверную ручку. – Добро пожаловать в славную комнату!

Грейсон с сомнением смотрел на дверь.

– Пусть мне кто-нибудь объяснит, зачем надо было тащиться три километра во сне от наших собственных дверей, чтобы просто поговорить? – спросил он, и взгляд его скользнул по коридору. – Не говоря о том, что я один не найду обратной дороги, этот А... нет, молчу... Кто-то невидимый мог так же последовать за нами сюда, как в любое другое место.

– Это верно, – сказал Генри. – Но тот, кто не знает, чья это дверь, не сможет стащить его личную вещь, а значит, не переступит порог. – Он ласково погладил дверь. – Здесь нам абсолютно никто не помешает. И у нас будет убежище на случай... на случай, если оно нам понадобится.

Грейсон продолжал смотреть с сомнением. Мне доводы Генри тоже не казались бесспорными.

– Минуточку. А как было с дверью Эми? Там у меня тоже не было никакой личной вещицы.

Эми – это четырёхлетняя сестрёнка Генри, и в одном из её пространств, сахарно-сладком, небесно-голубом, наполненном воздушными шарами и мыльными пузырями, Генри впервые сказал мне, что любит меня. Более романтических декораций он не мог бы выбрать. Хотя пони, раскрашенные в цвета радуги, – это было, пожалуй, немного слишком.

– Ты могла попасть в пространство снов Эми только потому, что я тебе открыл дверь и взял тебя с собой, – объяснил мне Генри и вздохнул, демонстрируя нетерпение. – И потому что при тебе всё время была моя личная вещь. Теперь пошли.

Я продолжала смотреть на него недоверчиво.

– А-а... но, значит, *кто-то* может точно так же пробраться, невидимый, через порог вместе с нами. Как я недавно последовала за тобой во сне о Би, став дуновением воздуха. Ты с этим уже не считаешься?

Генри вздохнул. Может, от нетерпения, может, потому, что он про этот эпизод не хотел вспоминать.

– Для этого надо было, во-первых, иметь мою личную вещь, а во-вторых, преодолеть все энергетические поля, которые я создал позади нас. – Он показал на стену мерцающего воздуха, которую недавно создал метрах в двадцати небрежным движением руки. – Она держится до тех пор, пока на неё смотришь, чтобы не пропускать возможных преследователей.

– Энергетические поля, которые сдерживают невидимок, – пробормотал Грейсон. – Надо же мне было уйти из кино, чтобы попасть на фильм здесь.

Это как сказать.

– Фильм про людей, настолько всесильных во сне, что они могут становиться даже невидимыми, но при этом их могут остановить энергетические поля, которые приснились другим людям, – добавила я. – Вряд ли это получит премию Оскар.

– Не говоря о том, что чертовски трудно было бы показать в этом фильме невидимых актёров.

– Ничего, я видел фильмы похуже. Так пойдёмте же! – Генри открыл дверь, придержал её и подтолкнул нас по очереди через порог. – Только не бойтесь собаку: она ничего вам не сделает.

При слове «собака» мне захотелось сразу вернуться, но Генри быстро закрыл за нами дверь и прислонился к ней спиной. Я огляделась. Никаких собак, к счастью, не было видно. Мы оказались в комнате, набитой всяческой мебелью и вещами. По стилю это больше подхо-

дило к галстуку, который мне дал Генри (и который я перед сном повязала себе на талию как пояс). Цветастые ткани на диване, креслах и настольных лампах соперничали с покрытыми вышивкой подушками, красочными персидскими коврами и традиционными викторианскими росписями. На стенах висели эстампы с картин маслом, на которых можно было увидеть балерин в розовых нарядах, а на любом свободном месте – на подоконнике, пианино, на тяжёлых тёмных шкафах и комодах – стояли горшки с цветущими пурпурными цикламенами. В огромной золотой клетке возле пианино сидел попугай, он скрёб себе грудь и с интересом посматривал на нас.

– Какой кошмар! – сказал Грейсон, совершенно подавленный.

– Сам ты кошмар, самовар, – проскрипел попугай.

– Корки, воспитанные птицы так себя не ведут. – Голос подала старая дама, сидевшая в глубоком цветастом кресле возле камина и вязавшая что-то пёстрое.

Маленькая, изящная, с волосами сиреневого цвета, в цветастом платье, она так идеально сливалась с узором кресла, что я лишь сейчас её обнаружила. Она сдвинула очки на кончик носа, чтобы лучше нас разглядеть.

– Но скатерть ещё не готова.

– Это ничего, миссис Ханикатт, – мягко успокоил её Генри. – Не обращайтесь на нас внимания.

– Вы мне не мешаете. – Старая дама постукивала вязальными спицами. – Я только не люблю, когда меня торопят. Моё дело долгое, очень долгое.

– Совершенно правильно. – Генри медленно подтолкнул Грейсона и меня мимо кресла миссис Ханикатт и мимо попугая к полированным стульям, стоявшим около небольшого круглого стола. – Мы просто недолго тут посидим. Забудьте о нашем присутствии. Вяжите спокойно и счастливо.

В его голосе было что-то завораживающее, как у ярмарочного гипнотизёра из старых фильмов. И он, казалось, действовал.

– Когда я вяжу, я всегда спокойна и счастлива, – сказала миссис Ханикатт, уже больше себе самой, чем Генри. – В этом есть что-то чудесное. Я всегда говорю: если бы все люди начали вязать, мир стал бы прекрасным.

– Садитесь. – Генри повернул один из стульев, сел на него верхом, как наездник, и удовлетворённо посмотрел на нас.

– А где собака? – шёпотом спросила я.

– Ах, она снится миссис Ханикатт лишь иногда. По большей части её видения совсем безобидны, во всяком случае, когда она сидит тут в комнате и вяжет. – Ямочки в уголках рта Генри стали ещё глубже. – Собака вполне соответствует её образу жизни.

– Как это ужасно! – прошептал Грейсон, и было не понять, имеет ли он в виду атмосферу этого жилья или тот факт, что сны миссис Ханикатт полностью воспроизводят течение её скучной жизни.

– Ты можешь говорить громко: она и во сне плохо слышит. – Генри отодвинул в сторону горшок с цикламенами и опёрся на подставку локтем. – Она живёт прямо напротив нас и кормит наших кошек, когда мы в отпуске. За это мы поливаем её цветы, когда она навещает своих братьев в Бате. Мне понадобилась вечность, чтобы найти её дверь, но чем чаще я её... м-м-м... посещаю, тем больше приближается её дверь к моей, а значит, и к вашим. – Он обвёл взглядом комнату и улыбнулся нам. – Лучшей штаб-квартиры не может быть. Как по-вашему?

Грейсон мрачно посмотрел на него.

– Ничего не скажешь, крутая идея – использовать бедную старую даму. Я не понимаю, как это поможет нам решить наши проблемы? Что нам дадут еженочные дежурства в этих коридорах? – Он глубоко вздохнул. – Завтра опять проснусь, как собака, голодный и усталый.

– Понимаю, у тебя всё здесь вызывает отвращение, – сказал Генри мягким, убедительным тоном. – Но ты же видел, что будет, если просто оставаться в стороне. Артур и Анабель месяцами совершенствовали свои способности, каждую ночь. Тем напряжённой нам надо упражняться и экспериментировать, чтобы не отставать...

– Не говори «нам», скажи «мне», – ответил Грейсон так громко, что мы посмотрели на него испуганно. – Ах, всё так, всё правильно. Не только Артур и Анабель совершенствуют свои способности, вы оба тоже. И сказать честно, я никогда не научусь тому, что вы уже умеете.

– Never ever!¹⁶ – прокричал попугай.

И я испугалась, что тут он прав: Грейсону явно не хватало воображения, а оно сейчас было нужно больше, чем всё остальное.

Генри ненадолго отвлёкся, точно вслушивался в себя.

– Всё дело в тренировках, – сказал он чуть погодя и в тот же момент исчез – просто так, не предупредив, не издав ни малейшего звука. Хотя бы такого лёгкого, с каким лопается мыльный пузырь, – пробормотала я.

– Шутник! – Грейсон протянул руку и ощупал воздух вокруг стула Генри. – Да, великолепная демонстрация, я имею в виду Генри. Мне этому никогда не научиться. А теперь ты можешь спокойно всё это закончить.

– Грейсон, я боюсь, что он не стал невидимым, он просто проснулся. – Я взглянула на миссис Ханикатт: она сидела спиной к нам и безмятежно продолжала вязать. В постукивании спиц было что-то домашнее. – Можно немного подождать, вдруг Генри опять заснёт. Но, похоже, его разбудили, так что его отсутствие будет долгим.

Я это уже знала. В конце недели Генри всегда уговаривал маму уйти и оставить его с братом и сестрой дома одного. Это были чаще всего беспокойные ночи. Эми особенно часто болела, хотела пить или теряла свою игрушку. Иногда Генри будил его брат Мило, которому почудился шум, будто кто-то ворвался в дом, иногда ему просто снилось что-то плохое. А если этого не делали Эми, Мило или кошка, то его будила мать, когда возвращалась домой подвыпивши, и грохот её каблуков разносился по всем комнатам, как выстрелы. Беда, если она при этом спотыкалась о какую-нибудь игрушку, тогда она начинала громко ругаться, а то могла и разрыдаться. Я сама знала лишь то, что мне рассказывал Генри, но так как эти шумы и голоса вмешивались в сны, они были нередко слышны и мне, прежде чем Генри просыпался и исчезал.

– Пошли. – Грейсон решительно встал. – Если сейчас проснёшься и ты, мне придётся одному искать обратную дорогу. Я могу совсем заблудиться...

– Блудиться, блудиться, – прохрипел попугай и добавил пугающе-человеческим, низким голосом: – Разбиться!

– Хватит, глупая птица, у меня уже мурашки по коже, – сказал Грейсон. – Так ты идёшь, Лив?

Пожалуй, и впрямь не имело смысла дальше дожидаться здесь Генри.

Я ухватила за руку, которую нетерпеливо протянул мне Грейсон, и пошла за ним.

– Первое, чему ты, Грейсон, должен научиться, – это просыпаться, если сон тебе не нравится или становится опасным. Это гораздо важнее, чем все фокусы с превращениями.

Часы на стене перед нами пробили двенадцать раз. Во сне миссис Ханикатт наступило время чудес, на самом же деле должен был пойти третий час. Дело в том, что я заснула уже после полуночи, потому что Мия опять забралась ко мне в постель и мы пытались успокоить друг дружку, объясняя, что Лотти лучше будет начать новую жизнь. Без нас.

Бой часов ещё разносился в пространстве, когда на стене возле часов с лёгким шумом раскрылась ковровая дверь и оттуда появился бледный, тщедушный мужчина средних лет. Он

¹⁶ Никогда в жизни! (англ.)

был в очках с проволочной оправой, у него было круглое рыхлое лицо, в волосах глубокий косой пробор. Хотя он не производил пугающего впечатления, – может, потому, что держал подмышкой толстую цветастую подушку, – спицы из рук миссис Ханикатт выпали на пол. Да и Грейсон сжался от страха. Он отпустил мою руку, сбив при этом на пол горшок с цикламенами. Ни новый пришелец, ни миссис Ханикатт этого не заметили.

– Альфред! – ахнула миссис Ханикатт.

– Да, это я! – засмеялся Альфред. Это был не дружеский смех, который подошёл бы маленькому безобидному человечку в очках с проволочной оправой и цветастой подушкой, – а скорее смех, можно сказать, «серийного убийцы». – Ты ведь всё закрыла на три оборота, всё контролируешь, правда, Бекки? Только про эту потайную дверь ты забыла.

– О, господи, знаю я эти сны! – прошептал Грейсон.

Альфред не смутился. Без лишних слов он поднял подушку и подступил к миссис Ханикатт.

– Нет, пожалуйста, не надо! – Голос миссис Ханикатт звучал так, будто ей не хватало воздуха, он был уже еле слышен. – Пожалуйста, не надо, Альфред!

Она сидела спиной ко мне, поэтому лица её я не видела. Зато лицо Альфреда мне было видно превосходно. Его глаза холодно поблёскивали.

– Просьбы тебе не помогут, миссис отличница. – Он подошёл к ней ещё ближе. – Сейчас ты перестанешь дышать. Я смогу понаслаждаться твоими судорогами.

Грейсон откашлялся.

– Я не хочу вам мешать. Но не могли бы вы подождать с убийством до тех пор, пока при этом не будет свидетелей? Это я вам, убийца с цветастой подушкой! Вы меня слышите? – Он пощёлкал в воздухе пальцами.

Альфред невольно сморщил лоб, но с места не двинулся, а миссис Ханикатт повернулась к нам.

– О-о! – сказала она удивлённо, как будто впервые нас увидела.

Я улыбнулась любезно.

– Что тут делает эта компания? – спросил Альфред.

– Мы хотим тут пройти, – объяснила я и протиснулась мимо кресел к двери. – Идём, Грейсон!

– Так нельзя! – Грейсон взглянул на меня возмущённо. – Я ни в коем случае не могу оставить эту бедную старую даму наедине с убийцей.

– Это же сон, Грейсон! Завтра утром мы и не вспомним о миссис Ханикатт.

– Всё равно, – настаивал Грейсон, – так просто не должно быть.

Я вздохнула:

– Ну хорошо... Тогда тебе сейчас представится замечательная возможность. – Я повернулась спиной к двери и скрестила на груди руки. – Пожалуйста – убийца в твоей власти.

Немного нерешительно Грейсон вытянул руку, показывая на Альфреда:

– Убирайтесь отсюда! Не то... не то я вызову полицию.

Я закатила глаза.

Альфред между тем и не собирался уходить, напротив: он начал расти, становился мускулистым. Руки с наманикюренными пальцами, державшие цветастую подушку, превратились в мощные лапы, несомненно способные задушить любого. Хватило бы и одной руки, если понадобится.

– Ну ладно! – прорычал в ответ Альфред (он выглядел уже совсем не тем тщедушным Альфредом, каким был только что) и отбросил подушку. – Тогда ты первый на очереди, парень!

– Но это же... – Грейсон отступил на шаг и чуть не упал в объятия миссис Ханикатт.

– Так и будет, если ты потеряешь контроль над своими страхами, – объяснила я со стороны.

– Ты бы помогла, Лив. – Грейсон встал, приняв оборонительную позу перед миссис Ханикатт. Он старался, чтобы голос его не звучал панически. – Ты же владеешь кунг-фу. Вы слышите, Альфред? Моя подруга владеет кунг-фу!

На Альфреда это не произвело ни малейшего впечатления. Он даже не посмотрел в мою сторону, но протянул свои лапы душителя к Грейсону. А тот схватил со стола латунный подсвечник и погрозил им.

– Предупреждаю! – сказал Грейсон. – Ни шагу больше, или я вас ударю!

Я застонала:

– Да перестань, наконец, Грейсон, вести себя так, будто мы находимся в реальности. Здесь ты можешь справиться с Альфредом одной левой. Ты можешь – я ведь знаю – быть человеком-пауком и в течение секунды обмотать его паутиной. Или использовать луч межпланетной энергии и забросить его на Луну. Можешь превратить его в морскую свинку или в клубнику. Ты можешь надуть его, как воздушный шар, так что он лопнет, или...

– Идею я уже понял, – сердито прервал меня Грейсон, не отрывая взгляд от Альфреда, который всё ещё продолжал расти. – Но это проще сказать, чем сделать.

Миссис Ханикатт ущипнула его за руку.

– Можно мне, молодой человек?

Она подняла с пола спицы и отстранила Грейсона вместе с поднятым подсвечником. И тут же, прежде чем я успела охнуть, вонзила спицы в грудь Альфреда.

Тот, вскрикнув, шатнулся в сторону ковровой двери.

– Получай, чудовище! – воскликнула миссис Ханикатт. – Вот тебе ещё!

Она схватила настольную лампу на мраморной подставке и с торжествующим криком ударила его в висок. Я воспользовалась этим, чтобы вцепиться в руку Грейсона и потащить его к двери.

– Видишь, миссис Ханикатт тоже поняла принцип, – сказала я, ещё немного задыхаясь, когда мы стояли уже с наружной стороны в коридоре, а я закрывала позади нас дверь. – Только в отличие от тебя, она действовала безупречно. – Я не удержалась от неуместного смешка. – Кто бы мог подумать?

Грейсон с неудовольствием смотрел на подсвечник, оставшийся у него в руке.

– Я безнадежный болван! Я мог превратить ничтожного убийцу в насекомое, но вместо этого добился лишь того, что безобидная старая дама совершила жестокое убийство.

Он сделал попытку снова открыть дверь, но я загородила ему путь.

– Мы сюда больше никогда не вернёмся, будь уверен! Или ты хочешь помочь миссис Ханикатт припрятать труп?

– Я просто хотел вернуть ей подсвечник, – произнёс он еле слышно.

Он действительно был безнадежным недотёпой. Но я не хотела его ещё больше обескураживать. Щелчка пальцев оказалось достаточно, чтобы подсвечник исчез.

– Тебе нужно только немного поупражняться, – сказала я, по возможности оптимистично. – И немного больше уверенности в себе.

А ещё почувствовать успех. Это совершенно необходимо.

Глава шестая

Обратная дорога потребовала явно больше времени, чем путь сюда. Дело было в том, что дверь с забавным шиповниковым замком, служившая мне одним из ориентиров, видимо, успела переместиться в другое место. К сожалению, я заподозрила это, лишь когда мы уже дважды свернули не там, где нужно.

Грейсон даже не стал меня за это ругать. Он лишь устало кивнул, когда я сказала ему, что нам придётся довольно далеко идти обратно.

– Меня утешает, что и ты можешь иногда ошибаться, – сказал он. – Хотя я, конечно, понимаю, что это должно скорей беспокоить меня. – Он быстро оглянулся, не знаю уже в который раз. – Как здесь тихо!

– Хорошо, что тихо, – заверила я его точно так же, как говорил мне Генри.

Похоже, мы действительно здесь были одни, во всяком случае, если прислушаться к ощущению в желудке. До этого мне на миг почудилась мелькнувшая тень, но, когда я посмотрела в ту сторону снова, она исчезла. Зато я тут же сделала неожиданное открытие, и оно было отнюдь не жутким, а, наоборот, в высшей степени радостным.

Я остановилась так внезапно, что Грейсон в меня врезался.

– Дверь Матта! – Я восторженно показала на моё открытие. Дверь отблескивала красным лаком. – Мы бы никогда её не обнаружили, если бы не заблудились.

– Какого Матта? – непонимающе спросил Грейсон.

– Соседского Матта. Не знаю его фамилии. Сын нашей знакомой. Он опять вернулся к себе. Флоранс тебе не рассказывала? Эта дверь – точно его.

– Почему ты так уверена? – Грейсон покачал головой. – А главное, почему ты этому так рада?

Я показала ему на фразу, которая была написана чёрной тушью на почтовом ящике: «Держи окна открытыми». Это лозунг семейства Берри в романе «Отель “Нью-Хэмпшир”». Так называлась любимая книга Матта. И если этого ещё недостаточно: точно такой же красный цвет у его «Morgan Plus сколько-то».

– «Morgan Plus-8», – автоматически поправил меня Грейсон, а потом добавил: – Только не говори мне, пожалуйста, что тебе это очень нравится.

– Ах, к машинам я вообще безразлична. – Я продолжала внимательно следить за рядом дверей, чтобы не пропустить поворот. Тут, возле двери из матового стекла, нам надо налево, если не ошибаюсь.

– Я имею в виду не машину, – сказал Грейсон. – Почему для тебя важно, где расположена дверь Матта?

Я не ответила на его вопрос, только сообщила:

– Здесь нужно дальше. А там, впереди, опять налево, и мы окажемся на верной дороге.

– Лив! – Грейсон смотрел на меня пронзительно. – Что у тебя с этим Маттом?

– Совершенно ничего.

Во всяком случае, ничего конкретного. Не больше, чем несколько не до конца ясных мыслей, которыми я не собиралась ни с кем делиться. И меньше всего с Грейсоном.

– Я просто рада увидеть его дверь, только и всего.

Теперь я сама очень жалела, что вообще обратила на эту дверь внимание Грейсона. Его взгляд оставался таким же неприятно пронзительным.

– Не представляю, что в этом типе такого, что все девочки к нему тянутся. Флоранс уже целый год в него влюблена. Она несчастна оттого, что этот Матт продолжает в ней видеть всего лишь маленькую соседскую девчонку.

– Да, с этими парнями проблемы, – сказала я возмущённо. – Если ты неопытна, они видят в тебе лишь маленькую девочку и смотрят на тебя сочувственно. А если они узнают, что у тебя был до них друг, тогда ах...

– Тогда ах – что? – спросил Грейсон.

– Тогда они хотят, чтобы ты вела себя так же дальше. Как уже опытная. Впрочем, как ведут себя опытные, можно, думаю, где-то прочесть, но это не совсем настоящее. – Я говорила всё более возбуждённо, не замечая, что речь становится всё быстрее.

Не спуская с меня глаз, Грейсон замедлил шаги.

– Вот в чём проблема! – вырвалось у меня. – Если ты хочешь вести себя как человек опытный, нет другого способа, как только набраться этого опыта! Только тут и начинаются трудности. Это как с умением летать. Допустим, я назвала себя пилотом, хотя это неправда, но я сказала так лишь потому, что даже не представляю себе, как стать пилотом, и это вызывает сочувственную усмешку. А если ты не пилот, лучше от этого удержаться. Вот мне надо сейчас лететь на «Боинге-747», я, конечно, представления не имею, как это делается. Да и откуда? Понимаешь, в чём проблема? Я не могу больше делать вид, будто разбираюсь в полётах, иначе мне дадут самолёт, а я не смогу оторваться от земли. Что в таком случае мне нужно? Правильно! Опыт! Налётанные часы, разумеется. Или хотя бы попробовать симулятор полётов. И...

Я резко замолкла. Упс! Теперь и об этом заговорила. Грейсон всё равно за мной не успевал. Его взгляд уже был не сверлящим, только растерянным. Очень растерянным.

Слава богу.

– Бедная Флоранс, – быстро добавила я. – И глупые пилоты.

– Абсолютно. Игры воображения, – сказал Грейсон и впервые за эту ночь засмеялся.

Я понятия не имела, что он тут нашёл забавного, но для спокойствия спрашивать не стала. Молча обошли мы тяжёлую двустворчатую дубовую дверь у того же прохода, где находились и наши собственные. Эта территория была знакома даже Грейсону. Судя по его вздоху облегчения, он до сих пор не верил, что мы возвращаемся правильной дорогой.

Но почти тут же он сжался, и я тоже едва не вскрикнула от страха. Дальше впереди, а именно как раз перед дверью Грейсона, кто-то стоял. Я поскорей потянула Грейсона в тень тёмно-синей двери, всегда представлявшейся мне дверью директрисы Кук. Цвет двери был такой же, как у нашей школьной формы, на ней красовался герб «Академии Джабс». Слева и справа от двери стояли кадки со стройными пирамидальными самшитами, в тени которых мы и спрятались. (Почему дверь миссис Кук оказалась так близко к нашим дверям, оставалось для меня загадкой. Лично я, во всяком случае, не имела с ней никаких действительно близких отношений и надеялась, что это взаимно).

Грейсон побледнел, ибо тем, кто явно старался проникнуть в его сон, была не кто иная, как Эмили.

– Не понимаю, – прошептал он.

– Жалко, – прошептала я в ответ.

Мне было и вправду жалко.

– Что получается, если корень из шестидесяти трёх тысяч одного помножить на сто восемьдесят шесть, – услышали мы пугающий писк Фредди, – а полученный результат вычесть из трёхсот тысяч пятидесяти трёх, из этого результата ещё раз вычесть корень из шестидесяти трёх тысяч одного, а ответ перевернуть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.